

Эдуард Поздышев

Чёрная дыра

Цикл рассказов

16+

Эдуард Вячеславович Поздышев

Чёрная дыра.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29336801

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказы расположены в чёткой последовательности – так, что каждый следующий является продолжением предыдущего. Вместе они составляют одно произведение, которое, хоть и получилось фантастическим, но задумывалось скорей как философское. Вас ждет трудное, временами захватывающее дух приключение, в котором всё неоднозначно. В цикле автором поставлено много вопросов: о жизни и смерти, о свободе и несвободе, о вере и неверии и о цене молитвы. Не всегда смыслы лежат на поверхности, и автор не связывает своего читателя готовыми ответами, а оставляет ему простор для собственных размышлений и выводов.

Содержание

Следующая минута	4
На границах мгновений	15
В поющей тишине	28
Чёрная дыра	36

Следующая минута

Остановив автомобиль на обочине и выйдя из машины, чтобы пройтись пешком, перешагнув через что-то, во что уткнулись колёса моего авто, я отправился было в направлении, в котором не смог бы проехать автомобиль.

Впереди сквозь дождь и туман виднелась огромная, бесконечная лужа. И падая в неё, я не подумал, что тотчас промокну, подумав лишь, почему я падаю – мне показалось, что я поскользнулся на луже, словно на льду. Это так изумило меня, что, пропустив момент падения и в следующее мгновение увидев себя лежащим на траве, поразительно зелёной и чистой, я помнил только, как поскользнулся, совершенно будто позабыв про лужу. Нисколько не удивившись, что вижу себя со стороны, я машинально протянул руку лежащему и помог себе подняться. Поднявшись, вспомнил о луже, которую, может быть, видел во сне и потому, наверное, не удивился, что совсем не выглядел промокшим.

Более удивительным показалось мне, что куда-то исчезли сумрак и туман, и промозглый осенний дождь, и что ярко светило солнце, что не слышно было шума непрерывно проносящихся мимо по прогретому солнцем асфальту машин, и что вовсе не жарко мне было стоять в этой знойной тишине одетому в тёплую куртку. И удивительна была сама эта тишина. Казалось, она звенела: чуть слышно, неназойливо, при-

ятно. Похожий на стрёкот кузнечиков, но с явно приглушенным звуком, – как будто нарочно убавили, – этот звон был естественным и ненавязчивым, потому что казалось, что это звенел сам воздух и этот всё вокруг пронизывающий свет.

Я взглянул вверх. Небо было пронзительно синим и чистым, как на фотографии, сделанной в солнечный день где-нибудь на южном курорте. Я стоял под рекламным щитом, ярко освещённым всеобъемлющими лучами. Белое полотно сияло на фоне синего неба. И я успел рассмотреть надпись: "Место для Вашей рекламы." В следующее мгновение меня окликнули.

Обернувшись, увидел мужчину лет сорока, одетого в футболку, джинсовые шорты и обутого в сандалии. Он призывно помахал мне рукой и сказал:

– Пойдём!

И мы пошли вместе куда-то в сторону от шоссе.

Мне не хотелось вспоминать, почему мне знаком этот человек. Следуя за ним, я вспоминал лишь, как менее получаса назад уехал со службы. Мой шеф, человек спокойный и предусмотрительный, предложил мне уехать пораньше. Всё равно всем было не до работы. Все ждали, когда привезут зарплату. Все почему-то чувствовали, что сегодня уже не привезут, и потому томились в ожидании, и работа не шла на ум.

Мы продолжали идти по широкому лугу. «Кузнечики» преследовали нас повсюду.

– Куда мы идём? – спросил я.

– Домой, – коротко ответил спутник.

Луг был настолько огромен, что видневшийся вдали домик казался не выше травы, по которой мы шли. Я не мог отогнать от себя мысли, что домик, наверное, стоит посередине этого бесконечного луга и что, поскольку луг бесконечен, то столь же бесконечным окажется и наш путь. Мы шли быстро, и я не переставал удивляться, почему я, одетый по-осеннему, находясь в самой гуще этого звенящего зноя, не ощущал духоты, не запыхался, дышал ровно и вообще не чувствовал дискомфорта. И даже спросил об этом у провожатого.

– Ты гость, – отрывисто произнёс мой спутник.

Мне вдруг подумалось, что ему всё равно, пойду я с ним или нет, и что если я остановлюсь, то он просто исчезнет в этой траве. Но я шёл за ним и уже бездумно слушал звенящих кузнечиков.

Вдруг на пути между нами и далёким домиком появился всадник. Сначала он стремительно пронёсся в нескольких сотнях метров перед нами, впрочем, нисколько не потревожив звенящей тишины. Затем, замедлив ход, повернул коня и неторопливо поскакал к нам навстречу. Но едва остановившись невдалеке от нас, тотчас метнулся в сторону и ускакал. Ещё издали я сразу увидел, что это девушка и, по-видимому, совсем юная – на ней было пёстренькое цветастое платье, а на лошади отсутствовало седло. Однако, как ни старался,

я не смог разглядеть лица наездницы.

Заметив моё изумление, спутник очнулся от своего впечатления, в котором, казалось, пребывал на протяжении всего пути, и проговорил:

– Это моя первая любовь. Я не успел написать её портрет. Я часто рисовал её лошадь, её платье, её ласковые руки, такие живые... Её красивые волосы.

В стороне от нас вновь проскакала юная всадница, её красивые пышные волосы развевались на ветру. Она проскакала ещё раз и ещё, а потом ярко-белая лошадь растворилась вместе с седоком в сине-зелёном горизонте бескрайнего луга.

– Так вы художник? – спросил я после нескольких минут тишины, и уже немного привыкнув к незримому присутствию всадницы.

В ответ лишь прозвенели кузнечики.

Тем временем домик на пути чуть подрос, и над знойно-зелёной равниной всё отчетливей вырисовывалась его крыша. По мере приближения к нему я стал различать что-то, что увиделось мне под крышей и от чего я уже не мог оторвать взгляда.

– Это был самый лучший рисунок в моей жизни, – прозвучал рядом подавленный, исполненный горечи голос.

И как будто замолкли кузнечики. Я перевёл взгляд на спутника и увидел перед собой жёлто-коричневое морщинистое лицо под пепельно-серой копной нечёсанных грязных волос. От вонзившегося в меня едкого пытливого взора мне

стало не по себе. Я зажмурился и весь сжался от внезапно охватившего меня ужаса. Множество каких-то ненастных воспоминаний нахлынули на меня разом, я снова почувствовал, как падаю в огромную лужу, но теперь уже мне было страшно промокнуть, захлебнуться; я ощутил вдруг приближение неминуемого наказания, прежде смутно угадываемого, но непременно долженствующего совершиться надо мной именно в эту минуту.

Я очнулся лежащим на траве, поразительно зелёной и чистой. По-прежнему безропотно звенела тишина. Я вскочил на ноги и огляделся по сторонам. Мой спутник безмятежно продолжал идти к дому. Я отставал лишь на несколько шагов.

– Что это было? – вскричал я.

Спутник оглянулся и призывно помахал рукой. Облик у него был прежний. Его лицо с чистой кожей было гладко побрито, а аккуратно подстриженные волосы обрамляли чуть загорелую лысину.

Дальше на протяжении почти всего пути моё внимание было занято только спутником. Я даже позабыл про то, что так заинтересовало меня в виднеющемся вдали домике. Смутное чувство неясной вины, вызванное внезапным видением, печальная реплика, брошенная моим провожатым, шквал воспоминаний, обрушившихся на меня, и эта поминутно отгоняемая тягучая мысль, почему я мог знать раньше этого вроде бы и незнакомого мне прежде человека, пресле-

довали меня всю дорогу. И, напряжённо думая о напугавшем меня лице, я вдруг вспомнил про одного художника. Вернее, я точно не знал, что он был художником. Всего-то показался похожим. Растрёпанные седые волосы, жёлтое морщинистое лицо и борода – всё это, конечно же, не могло подтвердить мою догадку. Просто я был тогда в приподнятом настроении и подвёз заблудившегося и изнемогавшего от усталости и похмелья дурно пахнущего мужика. Я отогнал от себя и это воспоминание. Но беспокойство не проходило. И чем ближе я подходил к этому, на вид сорокалетнему, выглядевшему вполне ухоженным человеку, тем всё более тревожные и безотчётные мысли принимались будоражить моё сознание. И я не знал, о чём спросить его, чтобы как-то успокоить свои мысли. Поэтому спросил лишь:

– Как тебя звать?

– Колян, – ответил ухоженный мужчина.

– Послушай, Колян, – решился я спросить, – мы с тобой были прежде знакомы?

– Может, и были, – монотонно отвечал Колян.

– Расскажи что-нибудь о себе, – попросил я.

– Её спроси, она расскажет, – сказал Колян.

– Кого?

– Жену мою, она любит обо мне рассказывать, – не поворачиваясь в мою сторону, всё тем же тоном произнёс мой собеседник.

– И где же она? – поинтересовался я.

– Там, – Колян показал пальцем в сторону домика.

Невольно я взглянул чуть пристальней в ту сторону, куда указывал мне спутник. И словно остолбенел от увиденного. Я встал как вкопанный и с минуту не мог заставить себя сделать хоть шаг. Я весь обратился во взор. Мой взор был так напряжён, что, казалось, для того, чтобы рассмотреть и понять увиденное, он вытягивал силу из всего моего существа. И как будто снова примолкли кузнечики, как будто тишина вдруг опрокинулась и всем своим содержимым, растекавшимся доселе по округе приятным мирным благозвучием, внезапно превратившись в хаос, стихийно выплеснулась и на минуту разразилась в моей голове неестественным звоном. Будто на минуту включили звук на полную мощность. И именно в эту нестерпимую минуту всё великолепие сине-зелёного горизонта разверзлось мгновенно охватившим и приковавшим мой взор ужасающим зрелищем. Там, на месте видневшегося издали укромного домика, выползла из травы косматая голова. А немигающий пристальный взгляд её направлен был на меня. И эта внезапно возникшая голова напомнила мне так напугавший меня недавно старческий облик моего спутника. И чтобы как-то избавиться от этого навяздения, и от этого пронзительного звона, я замер и крепко зажмурил глаза.

Когда же страшная минута миновала, я вновь открыл глаза и почувствовал, что снова способен идти. Я шёл на несколько шагов позади Коляна. Но у меня не было мыс-

ли убежать. Теперь мне уже сознательно хотелось завершить этот переставший быть предсказуемым путь, чтобы понять причину своей тревоги и чтобы кузнечики больше не смолкали. Я помню, что именно о кузнечиках я и думал, решаясь продолжить свой путь. И единственное, что я не в силах был себе позволить, это ещё раз посмотреть в ту сторону. Я шёл и смотрел перед собой. И ещё я думал об огромной луже из недавнего сна. Была ли эта лужа сном, и не сон ли этот луг, и это небо, и это звенящее солнце? Но я смотрел на своего провожатого, и его безмятежный вид теперь успокаивал мои тревожные мысли.

И туда, куда я больше не решился посмотреть, я взглянул лишь тогда, когда путь был завершён. Из оцепенения меня вывел ставший вдруг звонким и выразительным голос Коляна.

– Посмотри, ну посмотри же... Смотри, – громко восклицал он, указывая руками куда-то вверх, – это лучшая картина в моей жизни!

Мы стояли перед домом. Я поднял глаза и увидел лик. Над окнами, под самой крышей был нарисован красками лик Спасителя. И тут меня осенило, что за косматую, грязную гриву волос, взлохмаченную на испугавшей меня гигантской голове, показавшейся было издалека, я принял эту чёрную прокопчённую крышу старого дома. И что пронзительным взором, сразившим меня издали, вовсе не был взор чудовища.

Я смотрел на нарисованный лик и слушал приятно звенящую тишину. Я слышал звуки жизни, раздававшиеся откуда-то из дома. Не отрывая глаз от лика, я спросил хозяина об этих звуках. И Колян проговорил в ответ, но уже не таким тоном, каким говорил об иконе:

– А-а! Это моя Зинаида. Её я рисовал в избе.

В окне промелькнул и исчез женский силуэт.

Но пока я стоял и смотрел на икону, Колян оставался в приподнятом настроении. А я вдруг подумал, что вот он – конец пути, и что кузнечики больше никогда не умолкнут. И что теперь даже время бессильно потревожить вечную тишину.

Но они умолкли.

Они умолкли, когда наступила следующая минута. Она наступила, как в неумолимо движущемся людском потоке наступают на пятки впереди идущим.

И в эту минуту я вспомнил. Вспомнил, где и когда я видел этот лик, именно этот, потому что именно таким я видел его единственный раз во всей моей жизни. И я понял, что другого такого не увижу больше никогда.

И смолкли кузнечики. И взгляд у Коляна стал беспокойным, а голос его задрожал во внезапно возникшей глубокой и непроницаемой тишине:

– Э-э... Слышь... С-слышь...

И тотчас замерли в доме звуки жизни. И заметно поблёкла трава под ногами. И тучами заволокло небо. Но я уже был

охвачен азартом. Я спешил, чтобы успеть до темноты. Я отбежал на такое расстояние от дома, чтобы получше его рассмотреть. И в следующую минуту я узнал и сам этот дом. Когда-то, много лет назад, я каждый день проезжал мимо него на машине. Он стоял недалеко от дороги окружённый деревьями, и сквозь чащу деревьев на проезжающие мимо автомобили, на спешащих по делам прохожих, на всю эту мельтешащую рядом суету городской жизни спокойно взирал этот лик. Но только того дома давно уже нет. Уже несколько лет как он сторел. Тем случаем занимались в нашей конторе. Потом ещё к нам приходила женщина из церкви по поводу какого-то погорельца-художника. Вроде бы снарядили для него вагончик – наверное, для того, чтобы можно было отстроиться заново. Но, кажется, он так в нём и ютился. А после окончательно спился и бомжевал.

Тьма опустилась на дом и на луг. Внезапно обрушился назойливый мелкий дождь, словно кто-то поспешил исчеркать всё вокруг. И в стремительно поднимавшемся тумане совершенно исчезла видимость чего бы то ни было. И затерялся во мгле крик Коляна, из последних сил извлечённый где-то старческим надтреснутым голосом:

– Костями-и здесь лягу-у... Костями-и-и...

Сквозь туман и дождь лишь виднелась сплошная огромная лужа. Шагнув в неё, я понял, что падения в неё не миновать. Я сделал рывок, чтобы пробежать как можно дальше, пока не упаду. Но в следующий миг вдруг очутился за

рулём своего авто. И почему-то не удивился, что вижу себя со стороны. И хотя в этот раз я не смог протянуть руку, чтобы помочь себе, но не успел и напугаться. Страшно напугана была Зинаида, сидевшая рядом. Но уже за мгновение до того, когда ещё она нахваливала какой-то гарнитур из комиссии, я слушал звенящую тишину и знал, что это мгновение последнее. Моё тело успело среагировать, нога застыла на педали тормоза.

Мне показалось, что я очнулся на обочине. Выйдя из автомобиля, чтобы пройтись, я перешагнул через что-то, во что упёрлись колёса моего авто. На тротуаре повстречал старого знакомого, сотрудника полиции, который разыскивал какую-то женщину из церкви, для того чтобы она смогла опознать тело одного безродного бомжа, сгоревшего на днях в каком-то вагончике.

– Собственно, и опознавать-то нечего, – устало посетовал полицейский. – Жалкое зрелище – кучка обгоревших костей.

Я тотчас понял, о ком речь, и обещал поспособствовать в этом деле. На ступеньках в контору я встретился с шефом.

– Вернулся, – равнодушно обмолвился шеф. – Зачем? Сегодня здесь уже нечего делать.

– Так... По службе...

– А... Ну-ну... Ну, бывай, хм, служивый!

На границах мгновений

***

Мой шеф, человек сдержанный, с не злыми, часто насмешливыми, но будто бы всё понимающими глазами, конечно, не мог всерьёз относиться к потустороннему. Было заметно, как он всячески избегал разговоров на данные темы, предпочитая в таких случаях в ответ навязывающемуся в собеседники отвешивать весьма остроумные шуточки, выказывая умение сначала терпеливо подыграть рассказчику, а после неожиданно припечатать, искусно подловив его на каком-нибудь слабом месте. Бывало, правда, он и сам невольно становился инициатором таких разговоров, что случалось редко – обычно когда шеф был не в духе и, поддавшись настроению, находил из тех, кто позагадочней, объект для своих отточенных, но, в сущности, не сильно ранящих насмешек. Вроде бы и умел остановить свой пыл вовремя, но поскольку чаще других таким объектом оказывался я, то, пожалуй, лишь со мной он позволял себе распалиться. Так было поначалу. И всё из-за того, что я ему не признался.

Я не решался говорить об этом с кем бы то ни было, тем более в конторе. И даже не сказал Зинаиде. Так что потом, когда вовсе перестал её слышать, она просто вышла и закрыла за собой дверь.

На службе же началось с того, что я перестал слышать на-

смешки шефа; он отстал, и все сотрудники словно перестали меня замечать. Я будто освободился от невыносимой тяжести и, с головой погрузившись в работу, казалось, не только научился искусству быть здесь и сейчас, а обрел способность проникать сквозь мгновение и задерживаться на границе, отделяющей один миг от другого. Это позволило мне перемещаться – не то чтобы в пространстве, а скорее в том, к чему приделано и пространство, и время, к чему не в силах прикоснуться ничто из того, что изменчиво, из того, что меняется в мыслях, и в чувствах, и в настроениях, из того, что может остановиться и исчезнуть. Однако, предполагая, что всё это мне мерещится, я, чтобы не прослыть за сумасшедшего, предпочитал об этом молчать.

И боялся подумать о страшном. Не из малодушия, а потому, что не мне было страшно. Страшно было тем, кого я видел. И, собственно, если и говорить о страшном, то не было ничего страшнее того, видеть что я ещё не утратил способности. И для того, чтоб утратить её окончательно, мне только оставалось решиться. Но я всё не решался, и потому, кроме изменений, произошедших со мной вначале, не происходило ничего.

***

Сначала перестал видеть пыль. Она пропала из комнаты, где я жил. Её не стало видно на полу: ни под креслом, ни даже под диваном. Исчезла она и с книжных полок. Я до одури дул на книги, барабанил по спинке кресла – её не было. В конце

концов я выволок на улицу палас, чтобы вывалить его в земле, но не нашёл и земли. Везде, куда бы я ни тащил свой палас, появлялась тротуарная плитка – десятки, сотни метров. От неё исходила испарина – на глазах испарялись то и дело появлявшиеся на ней водяные разводы. Может быть, только что прошёл дождь, и теперь ярко светило солнце, знойный свет которого тотчас вбирал в себя влагу. Но за полчаса моих скитаний по улице я не ощутил ни единой капли и вовсе не ощущал этих знойных лучей. Потом, вслед за спрятавшимися дождём и солнцем, окончательно пропали из видимости и последние островки земли, которые я смутно ещё мог различать сквозь запотевшие линзы очков. Эти островки по-минутно возникали где-то вдалеке, но у меня никак не получалось сосредоточить на них взгляд. Я всматривался вдаль – и перед собой, и вокруг, – но везде оказывалась лишь эта злосчастная плитка. Тогда я сорвал с глаз очки и с размаху швырнул их об плитку. Очки тотчас расплавились и исчезли. В глазах нарастала нестерпимая резь; слезы наворачивались, но не появились, даже когда я попытался их вызвать искусственно. Машинально взглянул на палас – почему же он не расплавился? И захотел разуться, чтобы пройтись босиком по странному чудо-асфальту, но почему-то так и не сумел разглядеть ботинок. А увидел, как мои ноги постепенно утопают в резком свете, исходящем от тротуара, разросшегося до огромной площади. Из видимости почти совершенно исчезли здания и деревья. Площадь покрывалась туманом из

света. Резко оглянувшись, смог различить лишь ступеньки подъезда своего дома. Я метнулся туда и не помню, как снова очутился в квартире.

Я сидел в своём кресле и смотрел на пол, на котором не было пыли. Помню, мне всё не хотелось смотреть туда, где остывал палас. Вспомнив же про ботинки, тотчас взглянул на ноги. На босых ногах были домашние шлёпанцы.

С тех пор я каждый раз выходил на площадь. И шёл по вымощенной тротуарной плиткой площади, пока не оказывался, где нужно. Помню, как вышел в первый раз – поздним вечером того же дня. И ощутил свежий запах вечерней прохлады. В свете ночных фонарей я видел, как с деревьев падали жёлтые листья. И помню, что отчётливо видел машины, по обыкновению стоявшие у подъезда. Это длилось минуту. Потом машины пропали. Пропали куда-то деревья и листья. Пропала осень, и вечер, и фонари. И дом, в котором я жил, очутился посередине огромной площади. Сразу же стало светло как днём. И, не успев насладиться вечерней прохладой и осмыслить произошедшие изменения, я вспомнил, зачем вышел. Мне нужно было идти на службу. Не раздумывая, я отправился напрямик, туда, где только что стояли машины и деревья. Я слышал звуки города, голоса людей, гудение работавших двигателей. Но поначалу моё внимание сосредотачивалось лишь на плитке. Она всегда выглядела ослепительно чистой и немного влажной, как выглядит совсем недавно вымытый пол.

В конце пути всякий раз оказывался у ступенек, ведущих в контору, где я служил. Здание, в котором находилась контора, тоже стояло посередине площади. Но в остальном там всё оставалось по-прежнему. Те же сотрудники приветствовали меня. Тот же шеф, всё та же скучная работа, но только то, что прежде в ней так тяготило, теперь не казалось обременительным. Я как бы постоянно ощущал себя в одиночестве и вскоре настолько свыкся с этим, что не слышал почти ничего, что не относилось к работе. Конечно, отвечал и на вопросы, не относящиеся к работе, но забывал о них сразу после очередного лаконичного ответа. Вскоре меня перестали о чём-либо спрашивать и, казалось, перестали и замечать.

И ещё. Даже когда я оказывался дома, теперь это случилось в то время, когда в квартире никого не было, кроме меня. Я проходил в свою комнату и подолгу сидел в кресле. На мне опять были шлёпанцы. Я заметил, что теперь мне не надо переодеваться. Теперь, когда я выходил из дома, на мне всегда был мой служебный костюм. А когда возвращался в комнату, оказывался в домашней одежде. И первое время, помнится, всё думал, какая же удобная у меня теперь жизнь. Я совершенно не помню, что ел, где и когда засыпал и просыпался, да, собственно, и не уверен, что всё это имело тогда место в моей жизни. Может быть, и было, но вряд ли являлось чем-то значимым. Я хорошо помню лишь то, как выходил на площадь, как шёл по площади – из дома на службу и обратно. Должно быть, это было важным дополнением к

тому, чтобы сидеть в кресле в своей комнате и размышлять. Конечно же, размышлял и о том, зачем всё хожу по одной и той же дороге. И размышлял до тех пор, пока в жизни моей не произошло ещё что-то.

Однажды, после того как в мою комнату постучались, я перестал ощущать одиночество. Я знал, что это вернулась Зинаида, и с тех пор всегда стал чувствовать в квартире её присутствие. Тогда и начал выходить на площадь, вне зависимости от основного пути. И подолгу бродил, прислушиваясь к городскому шуму и размышляя об этих звуках. Однако всякий раз дорога снова возвращала меня либо к дому, либо к месту службы. Пока однажды не заблудился.

***

Помню, как это случилось в первый раз. После я уже не обращал внимания и относился к этому как к чему-то обычному.

Тротуарная плитка закончилась. Споткнувшись о бордюр и едва удержавшись, чтобы не упасть, я очутился на обочине шоссе. И в следующее мгновение уже ехал за рулём автомобиля такси. Меня остановила голосовавшая у дороги женщина с двумя увесистыми сумками. Не дав мне успеть выйти из машины, чтобы помочь ей усесться, она сама открыла пассажирскую дверь и, поставив обе сумки на сиденье, махнула рукой, сказав лишь, чтобы я ехал дальше, и за что-то поблагодарив. Затем, ничего толком не объяснив, тотчас же захлопнула дверь и налегке, быстрым шагом удалилась.

А ещё через мгновение я подъезжал к подъезду своего дома. Это был первый раз за много дней, когда я приехал домой на машине. Помню ещё, что, выйдя из автомобиля, попал под промозглый осенний дождь. Когда же очутился в квартире, обнаружил, что намокшие сумки стояли на кухонном столе. Сумки были набиты разнообразной едой. Вот только не помню, когда, и сам ли ел всё это, или распорядился продуктами как-то иначе.

И тогда я так и не вспомнил, где мог видеть раньше эту женщину и тем более чем же успел ей помочь. Не припомню, чтобы она обращалась в нашу контору. Но после я встречал её постоянно. Не то чтобы виделся или разговаривал – видел скорее мельком, но часто слышал её голос, безошибочно распознавая его среди многоголосого шума. И уже не мог отделаться от незваных мыслей, всякий раз навеваемых настырными, столь неожиданно и вероломно настигавшими меня её короткими, всегда до крайности возмущёнными, отчётливо врезавшимися в мой мозг фразами. И с каждым днём этот шквал бесчисленных «доколе», «почему», «за что» и «зачем» обрушивался на меня всё чаще и напористей, и потому только через довольно продолжительное время я научился не придавать этим мыслям и словам значения, свикнувшись с ними, как с неким неизбежным фоном, подобным шуму ветра или прочим окружающим звукам.

С тех пор почти каждый раз, в мгновения незапланированных блужданий по площади, когда заканчивалась плит-

ка, я садился в авто и куда-то ехал, чаще за рулём, порой на попутке, иногда на городском транспорте. Вскоре всегда оказывался в каком-нибудь многолюдном месте – в торговых комплексах, кинотеатрах, на площадях и проспектах. Ко мне подходили разные люди, о чём-то рассказывали, давали какие-то вещи – которые непременно после я находил в своей комнате, – всегда предлагали о чём-то подумать, что-то посмотреть в интернете. И вновь оказываясь дома, в своей комнате, в привычном своём кресле, я всякий раз включал компьютер, смотрел, размышлял, а после отправлялся на службу. В конторе ко мне тоже подходили, и я рассказывал, о чём размышлял, и пересказывал то, о чём узнал в интернете.

Позднее не требовалось уже и авто. Я сразу оказывался там, где меня ждали, и мне ни к чему уже было блуждать по площади. Тогда-то и вовсе перестал замечать плитку. Мгновения почти без перерыва следовали одно за другим, по необходимости растягиваясь на такое время, какое мне нужно было для размышлений. Такие мгновения я проводил в своём кресле – это были лучшие мгновения, мгновения поющей тишины, когда смолкали голоса и гамы города, и тишина вокруг приятно звенела, и пели мысли под это звучание.

***

Не помню, когда и как это произошло. Точнее, не то чтобы произошло, но стало вдруг так, что осталось лишь кресло – единственное, что я мог осязать. И не то чтобы всё осталь-

ное исчезло; казалось, что всё оставалось на прежних местах, и даже не суть, что на прежних – скорей, на своих. Но как-то так сложилось – как будто меня убедили, что в одночасье всё это мне стало не нужно. Причём не нужно – не значит не обязательно. И дело, наверное, вовсе не в этом, а в том, что на миг мне подумалось не о важном, и, должно быть, тот миг неоправданно затянулся. И я отчётливо запомнил, как долго, бесконечно долго я думал о том, как удобно мне в кресле. Помню, мне было уже всё равно, где найду его в следующую минуту – в комнате места оставалось всё меньше и всё больше появлялось вещей, так что, подумав об этом, я думал о кресле как о самом подходящем месте для такой вещи, как я. И с тех пор постоянно мог ощущать себя в этом месте – пожалуй, единственное, что я мог сознательно ощущать.

И где следовало, я оказывался теперь, тотчас поднявшись с кресла. И уже не столь важно, где – в конторе ли, дома или на улице – лишь бы в месте, где было удобно думать, потому что только это теперь имело значение для меня, хотя, казалось, не столько, сколько для тех, кого мог ещё видеть. И ещё стало казаться, что время и пространство, мелькающие в вихре мгновений события, сменяющиеся ландшафты, явления природы, звуки, лица, слова и фразы утратили своё прежнее значение, как перестали быть осязаемыми ставшие ненужными вещи, как потерял всякий смысл интернет, как словно слились воедино работа, досуг, моя комната и тротуарная плитка.

Вскоре же для того чтобы видеть и слышать, мне было необходимо оставаться на месте. И место, и я превратились во что-то нерасторжимое. И лишь прекращался поток мыслей, как сразу же мгновения жизни – моей и всех, кого мог ещё видеть, – а также бурление звуков большого города лишались границ, расплываясь и ускользая от моего внимания. А стоило мыслям воспрянуть, как тотчас будто всё замирало, безропотно подчиняясь звучанию тишины.

И думая о тех, кого мог ещё видеть, не зная, замечали ли они мгновения жизни и что слышали под шум большого города, наверное бы решил, если б не журчание тишины. Но всё же перестал видеть и в ответ на вопросы лишь поудобнее располагался в кресле. Брызги вопросов окатывали меня, словно вызванные промозглым осенним дождём. И как под листьями, опавшими с давно исчезнувших деревьев, под горами ненужных вещей иссякла площадь.

Помню лишь насмешливое и чем-то озадаченное лицо шефа.

– А знаешь, – сказал шеф, вопросительно взглянув мне в глаза, – я не нашёл твоей могилы.

***

Очнулся от того, что продрог. Опять уснул в кресле, да ещё с открытым окном. Кутаясь в плед, подошёл к окну, чтобы закрыть его. На улице с парковочных мест разъезжались машины, усыпанные последней листвой. В числе других я заметил мужчину, лет сорока, усаживавшегося в одно из ав-

то. Он занял пассажирское место. С высоты десятого этажа я едва успел его разглядеть – чуть загорелую лысину обрамляли ровно подстриженные волосы, – он был не похож ни на кого из моих соседей.

На водительское место усаживалась женщина, напомнимшая мне мою Зинаиду.

Я слышал звуки большого города.

Как будто не было поющей тишины.

***

Хороший водитель Зинаида! Люблю наблюдать за ней, когда она за рулём, её задумчивый вид. Машиной она управляет спокойно. Авто движется плавно. Приятно ехать в новом автомобиле, посиживая себе сзади в удобном кресле, не думая о дороге и предаваясь незначачим мыслям. Например, сравнивать машину с молодым и крепким конём, подчинившим свой нрав умелому всаднику.

Мы ехали долго. И, подобно коню, умиравшему ход в такт спокойных раздумий наездницы, изменился и я. И привычным движением ладони поправил съехавшие на глаза волосы. Встрепенулся, опомнившись, и, машинально ощупав голову, не обнаружил лысины. Но, едва смутившись этим обстоятельством, сразу забыл о нём, как только увидел себя со стороны, сидящим в кресле на берегу реки. Кресло из нашей комнаты – откуда оно здесь? Надо мной шелестят листья деревьев. Одет я в чёрное долгополое пальто, напомнимшее платье одной знакомой. Как-то, будучи в командировке, хо-

тел снять комнату в её доме. Она представилась Клеопатрой. Но передумал из-за вывески с пугающей надписью «Ясновидящая». Теперь же, словно увидев себя в этом платье, сконфузился, впрочем, не столько от своей внешности, сколько от воспоминания. Новая одежда в сочетании с моим обликом выглядит вполне гармонично. А бледное задумчивое лицо, в обрамлении колышущихся на ветру тёмных локонов и переливающихся на солнце чёрных одежд сродни лику какого-то сказочного существа.

Вспомнив о Зинаиде, хотел рвануть со всех ног на её поиски. Но, оставаясь в кресле, лишь медленно поднимая голову и со спокойной невозмутимостью оглядываюсь по сторонам.

В следующее мгновение уже сижу за рабочим столом в конторе. И через миг стою на шумной площади, с уверенностью сознавая, что жду кого-то, кому должен помочь. Кому-то машу рукой и говорю:

– Пойдём!

И мы идём по бесконечной мостовой.

Мой спутник то и дело о чём-то спрашивает. Я тщетно силюсь его услышать и, вероятно, из-за этих усилий вдруг начинаю чувствовать холодные уколы дождя. Попутчик постоянно обо что-то спотыкается, я вижу, как ему трудно, но сам не в силах даже повернуться, чтобы его поддержать. И зная, что должен идти, бездумно шагаю с привычной лёгкостью, понимая при этом, что лёгок путь лишь в один ко-

нец. И странно – передвигаясь, я словно продолжаю стоять на площади, и снова, и снова, и в то же время каждый раз заново, встречаю и провожаю, встречаю и провожаю и, всякий раз следуя в новом направлении, проделываю всё это одновременно. Оттого, не думая, о чём хочется, оказываюсь всё дальше от Зинаиды. На мгновение пробую остановиться и тут же обнаруживаю себя за офисным столом в просторном кабинете. Но мне невыносимо тесно – мгновение давит от невозможности закончить работу. И я уже боюсь этой замкнутой бесконечности, как, может быть, сказочный джин боится своего кувшина.

И спрашиваю себя, но слышу уколы дождя. Снова спрашиваю, и снова, и снова. И, не слыша собственного голоса, отвечаю на свой же вопрос:

– Как удобно сидеть в кресле на берегу бесконечной реки! Рядом моя Зинаида! И очень-очень длинная дорога! Как же плавно скользит по ней наше авто!

И отчётливо слышу:

– Пойдём!

– Ты что-то сказала? – спросил я.

Нажав на кнопку стеклоподъёмника, выглянул наружу – ещё ехать и ехать. И, чтобы отвлечься от поглотивших ум мыслей, взглянул на Зинаиду.

Спокойную гладь реки всколыхнули попадавшие в воду листья.

В поющей тишине

***

Брошено авто на полдороге. Пустует удобное кресло.

– Понимаете... Так мало времени...

– Конечно, понимаю, – улыбнулся священник. – Должно быть, поэтому вы и здесь.

– Здесь?

– Где меньше всего времени. Но, поверьте, его должно хватить.

– Я сидел в этом кресле, – признался я.

– Вот! – вскинул руку священник и, указав на кресло, горестно произнес. – А я строил храм.

– Построили?

– Нет!

– У вас его отняли, – в тон священнику выдохнул я.

Вспомнил о знакомстве с настоятелем церкви, строящейся неподалёку от конторы. По его просьбе выхлопотал у начальства помещение под богадельню. Когда же церковь построили, назначили другого настоятеля.

– О нет! Эти храмы не отнимают – их теряют. Знали бы вы, сколько их здесь пустует!

Кажется, догадался, о чём говорит священник – смогу ли осмыслить?

– А я только и делал, что – думал, – сказал я.

Далеко позади смолкли звуки большого города.

***

Сначала думал о тех, кого видел – о чём они говорят. И слушая звуки большого города, улавливал мгновения тишины.

Когда же решился и перестал видеть и, вслушиваясь, шёл в темноте, то думал, что она бесконечна.

Но будто прибавили звук, и тишина осветила тьму. И вот снова вижу и слушаю журчание тишины, как неспешно поёт в ней время. Верится, что его должно хватить. Теперь уже не важно, иду или продолжаю находиться в кресле.

И думаю. О кладбище пустующих храмов, заросших словами, где в зарослях слов слова шефа: «...не нашел твоей могилы». О пустующем кресле и умчавшейся на авто Зинаиде, о королеве, плачущей над тронном, и о том, что ещё не умер – в кладбищенской ограде нет моего кресла. Об исчезнувшей площади, об осени, вернувшейся в город, о зачеркнувшем горизонт дожде.

Вдоль реки проносятся люди, похожие на деревья, влекомые бурей. Словно листья, осыпаются фразы: «Привет», «Пока», «Люблю»...

Над рекой – снова город. Я не заметил, как возвратился.

***

Опали последние листья. Земля покрылась первым снегом. О, я не утратил способности чувствовать запахи – как же пахнут земля, снег и воздух! От лёгкой измороси стало

влажным пальто.

Не нужно уже спешить – достаточно лишь подумать. Подумалось, что не важно, пустует ли кресло.

– А я вот всё думаю, – сказал шеф, – зачем тебе это?

– Да чтобы священник нашёл свой храм! – сказал я с улыбкой.

В этот раз шеф не взглянул на меня как на идиота, а, призадумавшись, неожиданно произнёс:

– Зачем храм, если нет могилы? Где нет меня, там нет ничего.

Вспомнились слова священника:

«Нет ничего».

И это после того, как я показал ему кресло. Подумалось: «Да! Но ведь и я не увидел храм».

После встречи с шефом несколько дней не выходил из дома. В голове было так пусто, что не вспомнил даже о кресле. До того, что чуть не позвал Зинаиду. И понимал, что ещё немного, и она придёт сама. Однако отвлекся и снова очутился в конторе.

На этот раз шеф заявил, что всё знает и спрашивать больше не будет, но всё равно спрашивал, пока я не понял, что спрашивает о Зинаиде. Когда же я перестал про неё вспоминать, то сразу прекратились расспросы. С тех пор почти не думал и о конторе.

И о доме не думал, так как всецело предался работе. Полгода вообще провёл как в угаре. Помню лишь, что лежал у

ограды. Пальто на мне истрепалось. Я кричал, но не слышал собственного голоса. Мои крики заглушала звенящая тишина. И словно обволакивала, когда замерзал, и успокаивала, когда подступало отчаяние. Помню, всё всматривался в лица прохожих, но их одежды слепили глаза. Всё же порой улавливал на лицах гримасы. Через тишину доносились знакомые звуки. Понимая их значение, всякий раз удивлялся, недоумевая, почему морщатся они, а не я, и отчего у этих нарядных людей такой запах. Как-то среди них узнал священника, несмотря на то, что он был прозрачным. Посмотрев сквозь него и увидев церковь, заорал во всю глотку – так хотелось, чтоб он увидел. Но он не обернулся и, влившись в авто, растворился с ним в воздухе. Помню, как стало жаль его. Как перестала петь тишина. Потом меня засыпали мёрзлой землей. Мужики с лопатой на двоих были сильно расслаблены – едва присыпали и разбрелись. Затем я очнулся дома.

***

С тех пор везде, где бы ни находился, всегда видел церковь. И, чтобы не думать о ней, отворачивался, всякий раз вспоминая слова шефа о могиле. Церковь не исчезала, и я решил, что она нужна священнику. Невольно думая о могиле, порой оказывался у ограды. Однажды, просочившись сквозь неё, захотел войти и, не обнаружив дверей, не смог пройти через стену – дома и в конторе мне уже давно не нужны были стены. Я спрашивал у находившихся там, но никто меня не услышал. А захотев уйти, не смог ни о чём подумать

– все мысли прикованы были к стене. И просто пошёл. И шёл очень долго, боясь оглянуться. Но не дошёл даже до ограды.

Теперь постоянно ощущал за спиной стену. Я сильнее прижимался к спинке кресла, но и это не помогало. В конторе я спрашивал про священника и про храм, но мне всё рассказывали небылицы о каком-то настоятеле, построившем три церкви. О нём был слышан и прежде, но симпатий к нему не питал, так как именно он некогда потеснил одного знакомого батюшку. Однако слышал и много хорошего. Будучи монахом, он не был женат, следовательно, слухи о брошенных им детях, ловко подхваченные моими коллегами, по меньшей мере несостоятельны. Тем более байки о якобы загадочном убийстве жены. И, конечно, не могло быть и речи о каких-то там трёх любовницах. Видимо, в умах моих коллег количество любовниц непременно зависело от количества построенных храмов. Наверное, я произнёс свои мысли вслух, отчего, вероятно, шеф вдруг вызвался нас познакомить. Однако я попробовал сам. Сосредоточившись, очутился в огромном офисе. На стенах были лики, притягивали взор позолоченные ларцы. В здании было пусто, повсюду пахло свежей краской и тем, чем пахнет в магазинах. Подойдя к продавщице, спросил, могу ли видеть настоятеля. Она посмотрела на моё грязное и потрёпанное пальто и вежливо попросила выйти. Я повторил свою просьбу, и она сказала, что настоятель на каком-то собрании. Тем временем, почувствовав, что стена за спиной приближается и словно

услышав шаги великана, я понял, что, если тотчас не выйти, эти стены дрогнут под мощью моей стены. Но мне не хотелось уйти ни с чем, поэтому, опасаясь, что меня перестанут слышать, поспешил рассказать обо всём если не священнику, то хотя бы тому, кого видел. Слишком торопясь, принялся говорить сбивчиво. Звонящая тишина заглушала слова, и невольно я перешёл на крик. Женщина перепуганно всполошилась, достала какой-то пульт и нажала на кнопку. Послышалось что-то, похожее на сигнализацию, чего я не успел дослушать из-за звонящей в голове тишины. Тут же меня будто катапультировало, и я почувствовал, что покинул то место. Но пока мне было не до того. Я продолжал наблюдать за растревоженной женщиной, вдыхая запахи ремонта, который, по-видимому, совсем недавно был проведён в этом не то офисе, не то магазине. Сидя в своём кресле, я слышал, как женщина дрожащим голосом описывала охранникам мою внешность. По её описанию я выглядел бомжом из подворотни. Припомнив же о шагах за спиной, прислушался.

Звучала поющая тишина. До ограды идти и идти. Но я всё ещё сидел в кресле, спиной прижавшись к стене.

***

Стена вобрала в себя кресло. И некуда стало присесть, чтоб подумать. Думалось только о том, как идти, но и идти уже было бессмысленно – ограда пропала из видимости. Вслед за креслом исчезли из памяти дом и вместе с ним Зи-

наида. А от стены отвлекали лишь мысли о службе.

Некуда присесть – какое-то время это меня беспокоило, но не то чтобы сильно расстраивало. В конторе кресло всегда было занято, но, в сущности, было ли оно моим?

Отвлекло неотложное дело; работа – это всё, что осталось, не то, о чём думалось, но хоть что-то.

Конечно, очутившись в комнате, не упустил из внимания кресло. Должно быть, его хозяин не из тех, кто залёживается, и если захочет, то справится без него. Пожалуй, инвалидное кресло – единственная не нужная в комнате вещь. Подумалось, что неизлечим лишь скорбный взгляд на лице его матери. Пока он сидел, прижимаясь к стене, у меня было время опробовать кресло. А болезнь и о чём думал он – работа для тех, кто вернётся её продолжить. Почувствовав, что мы с ним по разные стороны, я побыл там, пока не ушёл священник. Откуда-то из-за стены напоследок услышал:

– Я мог бы писать иконы.

– Их пишут в мастерских, – уходя, обронил священник.

И я поспешил за ним, но не смог перейти через стену.

***

Бесконечная темнота. Скучно непрестанно стоять – невольно приходится думать об этом. Идти вдоль стены бесполезно, уйти невозможно и некуда. И даже не облокотиться – между мной и стеной словно пропасть. Как в испорченном радио, отовсюду слышны помехи.

О, если бы не замерцала ограда, не показалась калитка и

в неё не вошла Зинаида!

Она прошла сквозь меня и шагнула в пропасть. Внезапно пропали помехи, прибавили звук и зажёгся свет. В стене приоткрылась дверь, чтобы я догадался, откуда поёт тишина.

Первым делом подумал о кресле – вернуть своё, и уже не страшна темнота. Но, вошедши, убедился, что нет ничего: ни могилы, ни плачущей королевы.

Там, внутри, много думал, зачем непрерывно стоять? Оглянувшись, заметил, что и мало кто понимает. Год за годом потом, стоя там, рядом с Зинаидой, всё пытался осмыслить; и был настолько сосредоточен, что старался уже не оглядываться; но всё равно оглядываясь, замечал, что и другие оглядываются, будто ищут кого-то, как на кладбище ищут могилы. Никогда не оглядывалась лишь Зинаида. И тогда я понял, что, если бы она оглянулась, я бы тотчас превратился в могилу, а она – в рыдающую над тронном королеву, и в пустой ограде неоткуда бы было петь тишине.

Чёрная дыра

***

– Где я, святой отец?..

– Я не святой отец... Впрочем, называйте как хотите.

Подумав, священник сказал:

– Думаю, зависит от того, кем вы себя считаете. Кто же вы?

– Наверное, бомж, – сказал я. – По крайней мере, так считают другие.

– А вы как считаете? – спросил священник. – У вас есть дом, работа?

– Не думал об этом, – сказал я. – Давно.

– Как давно?

– С тех пор как оказался здесь.

– Вы один здесь?.. То есть...

Почувствовал, как священник посмотрел сквозь меня и, должно быть, заметил Зинаиду.

– Ведь вы не один, – произнёс он задумчиво. – Значит, оказались здесь не случайно.

– Но меня никто не видит, даже вы...

– Это нормально, – отозвался священник уже откуда-то издалека.

Шагнув вслед за голосом, я очутился в больнице. В нос ударило смрадным воздухом, но довольно скоро я привык к этому. На кровати лежала высохшая от возраста старушка.

На полу у кровати растекалась зловонная лужа – почерневшее тело больной было изъязвлено.

Рядом с кроватью сидела молоденькая практикантка из медицинского колледжа, которая тотчас встала и, повернувшись ко мне заплаканным личиком, поведала, кто она и почему здесь находится:

– Уже давно лежит, совсем одна, и не знаю, чем ей помочь. – Всклипнула и метнулась к выходу.

На её месте возник священник – казалось, он вынырнул из меня. Неуверенно подойдя к лежащей, повернулся и спросил о чём-то взволнованным голосом. За моей спиной зачастил девичий голосок.

Сняв с себя пальто, я накрыл им старушку, она словно очнулась от сна и зевнула. Воспользовавшись этим, священник всунул ей что-то в рот и, вероятно, обрадовавшись, что получилось помочь бедной женщине, ободряюще проговорил:

– Не плачьте, всё будет хорошо. Вы ангел. Побудьте ещё, ей это необходимо.

– Но... Мне пора... Меня ждут, – отозвалась практикантка.

– Времени хватит, – сказал священник, прежде чем покинуть палату.

Присев на прежнее место, девушка протянула к лежащей дрожащую руку, но, окунувшись в моё пальто, рука перестала дрожать, и девушка улыбнулась.

– Ну, – произнесла она, сжимая безжизненную кисть уми-

равшей, – всё хорошо, миленькая, всё хорошо.

Неслышно приблизившись к кровати и осторожно взяв своё пальто, я шагнул сквозь больничную стену и очутился на улице.

«Это нормально, – припомнил слова священника. – Теперь я хоть чем-то пахну».

Не зная, как вернуться туда, откуда пела тишина, я отправился на звук. Звук отчётливо раздавался от одного из гаражей, мимо которых я проходил. Просочившись в гараж, ощутил тяжёлый запах. Внутри стояло шикарное авто с включенным двигателем. Проникнув в приоткрытую дверцу, присел на водительское место. Заинтересовавшись шорохами, издававшимися за спиной, повернулся и на задних сиденьях увидел двух задремавших людей. В неестественных позах там замерли полуобнажённые мужчина и женщина. Сильно пахло алкоголем и выхлопными газами. Мужчина очухался первым.

– Фу! От тебя несёт, как от вонючей старухи, – пробурчал пьяным голосом, кряхтя и выкарабкиваясь из салона.

Затем, рухнув на пол, еле сумел подняться на ноги. Кое-как одевшись и, видимо, сообразив, что происходит, он торопливо, насколько мог, распахнул ворота гаража. Затем плюхнулся на меня и, вцепившись в руль, произнёс:

– Эх, любимая, доигрались. Надо отсюда выбирать.

Машина неуверенно выехала из гаража. Меня же вышвырнуло на асфальт. Упав, больно ушибся, и ссадины на

руках и на лбу потом долго напоминали о себе. На лице я почувствовал свежий кровоподтёк.

Пока сладкая парочка подвыпивших любовников, вяло переругиваясь, выясняли, кому вести машину, я решал, куда мне податься. В результате мужик, с трудом закрыв гараж, пошатываясь, удалился, а дама села за руль. В последний момент, сообразив, что нам по пути, я протиснулся на заднее сиденье.

Несмотря на то, что в салоне было прохладно от работавшего кондиционера, находиться там было нестерпимо. Очевидно, что дама испытывала похожие ощущения, но, вероятно, совсем по другой причине.

Женщина, непрестанно морщась и то и дело затыкая нос, вслух ругала кого-то. Я понимал, что своим запахом подставляю её мужика, но что было поделать – я чувствовал, что должен был ехать с ней. В свою очередь, мне не требовалось постоянно затыкать нос – тяжёлый дух, исходивший от дамы, её ругань и невыносимая музыка, сотрясавшая салон, компенсировались убаюкивающими звуками тишины, разливавшимися в моей голове. Задремав на какое-то время, я очнулся от душераздирающего грохота. Придя в себя, догадался, что это всё ещё грохотала музыка. Кроме меня, в автомобиле уже никого не было – видимо, хозяйка забыла выключить аудиосистему. К тому же в авто стало душно, и я без промедления выполз из машины.

Рядом с особняком, должно быть, принадлежавшим даме,

стояла невзрачная церквушка с обшарпанными стенами. Я знал, что это не те стены, откуда пела тишина, но звуки исходили оттуда. И направился к полуразобранной ограде. Подумалось, что либо это сельская местность, либо небольшой городок, что ремонт ограды – это всё, на что пока хватало в этом приходе средств.

Впервые за несколько лет я ощущал пронизывающий холод и буквально сваливающую с ног усталость. И, едва доплетясь до ограды, упал и сразу уснул.

***

– Я словно во сне, – сказал я священнику. – И никак не пойму, где же явь, а где сон.

– Со временем разберётесь, – услышал в ответ и проснулся. – Вы сами должны разобраться.

– Ну как же я разберусь-то без вашей помощи? – в недоумении разводя руками, восклицал надо мной бородатый немолодой мужчина в меховой шапке и коричневой дублёнке. – Вы, отец Василий, священник, настоятель, как-никак... Придёте к ним в подрыснике, с вами и разговор-то другой, а я...

– А вы староста, – отвечал тот, кого называли отцом Василием, – лицо ответственное. Так что – держитесь поувереннее!.. Что мне теперь, из-за каждого кирпича в управлении пороги обивать?

Хлопнула дверь машины, и автомобиль, быстро набирая обороты, умчался по заснеженной дороге.

– Вот лентяй! – пробурчал староста. – Молодые, безответственные... Всё бы им шастать по соседским приходам!

По подмёрзшей тропе, ведущей к церкви, зашуршали, удаляясь, добротные боты старосты.

Я поднялся со своего лежбища. За время, пока я спал, одежда на мне успела промокнуть и задеревенеть. А на самом том месте наклёвывался сугроб. Я не знал, как долго я спал, и не помнил, происходило ли со мной что-то во время сна, но холода я уже не чувствовал, как, собственно, не ощущал и тела. Однако, не надолго. Вскоре появилось жжение в кистях рук и на лице, особенно в повреждённых участках. Наверное, они покраснели, а может быть, и побелели, но мысли об этом меня не встревожили. Единственное, что беспокоило, это куда же теперь идти и что делать дальше. И я шагнул вслед за старостой.

Когда прекращается пение, появляется пустота. Как будто падаешь в бездну. И хочется лечь и уснуть и никогда уже не просыпаться.

Не было ничего: ни звуков, ни даже мыслей. Только оглушающий грохот действительности. И хоть мне достаточно лишь представить, чтобы оказаться в любой её точке, вникать в смысл происходящего – как заглядывать в чёрную дыру.

Подумав о последнем, что видел, тотчас очутился в натопленном помещении, вероятнее всего, в кочегарке, где и обнаружил старосту, о чём-то с важным видом разглагольство-

вавшего перед мужиком с помятым лицом.

Машинально потопав, чтобы сбросить с обуви снег, я подошёл к печке и, приоткрыв чугунную дверцу, наклонился над топкой. Староста внезапно примолк и, очумело посмотрев на меня, ткнул в меня пальцем.

– Это... Ты видал? – спросил он истопника.

– Чего? – задрёмывавший истопник вялым взглядом посмотрел на приятеля.

– Ничего не слышал? – испуганно озираясь, староста вжал голову в плечи.

– Нет. А чего?

– Сначала что-то ударило... потом – дверца... – упавшим голосом выдохнул староста.

И мне приспичило поупражняться в некогда позабытой морзянке. В комнатке воцарилось молчание. Замер и я.

– Понял... Всё понял, – из последних сил проговорил староста. – Это... С духовными лицами так нельзя.

И, скривив лицо нервной улыбкой, скинул дублёнку и лихорадочно принялся шарить по карманам пиджака.

Лицо же истопника сделалось неожиданно осмысленным. Ничего не произнося, с маниакально-решительным взором, явно сосредоточившимся на определённой мысли, он методично совершил ряд последовательных действий. Неспешно поднявшись со своего лежака, привычным движением засунул босые ноги в валенки, не глядя, выгреб из-под матраца несколько свалявшихся денежных купюр и медленно, но

уверенно покинул каморку.

Тем временем староста одной рукой извлёк из кармана мобильник и дрожащим пальцем другой дважды нажал на кнопку вызова. В невыносимой тишине меня сначала оглушили протяжные гудки, а потом в голове зазвучал резкий голос:

– Да, Сергей Сергеевич! Слушаю!.. Я слушаю!.. Ну, что ещё?

– Отец... Отец Ва... Отец Василий!.. – взволнованно заговорил Сергей Сергеевич.

– Что с вами, Сергей Сергеевич? – голос в голове стал менее резким.

– Про... простите меня, отец Василий! – староста не смог сдержаться и заплакал. – Простите! Я... Я не должен был... Мне нельзя... Вы священник, а я...

– Сергей Сергеевич? Вам плохо? Скажите, где вы? Я тотчас приеду!..

– Н-е-е-т! Не надо!.. Дорогой батюшка! – с искренними обезоруживающими нотками во всю уже смеялся растроганный Сергей Сергеевич. – Я, старый дурак, обижался! А вы – истинный пастырь! Истинный, истинный...

– Сергей Сергеевич, дорогой, – уставшим голосом, но по-доброму отозвался отец Василий. – Ступайте домой, отдохните пару деньков. Я сам, слышите?.. Сам съезжу и всё сделаю... Вы меня слышите?..

Но я уже слушал поющую тишину.

***

Когда просто слушаешь, то отчего же не постоять! Другое дело, когда одолевают мысли, особенно о том, так ли это важно. Давно бы спросил, но, когда так слушаешь, не хочется и спрашивать.

Заметив мужчину, переминавшегося с ноги на ногу, и узнав в нём мужика из гаража, захотел спросить. Стоя рядом со мной, он явно недоумевал, зачем он здесь. На мгновение мы очутились на муниципальном кладбище, расположенном за чертой города. Перед выкопанной могилой в гробу лежало тело старушки из больницы.

Когда снова запела тишина, я спросил:

– Почему он здесь?

– Его привела мама, – ответил священник.

Старушка стояла впереди и, не оглядываясь, слушала тишину.

– Как тебя звать? – спросил я у мужика.

– Его имя – раб Божий Стефан, – прозвучал в ответ голос священника.

– А сам что, язык проглотил? Он хоть что-нибудь слышит?

– Сейчас отпевают его маму. Не отвлекайте его.

– Но почему?.. Зачем?! Зачем?! Зачем?! – заорал я, подавшись мыслям.

Но перекричать тишину было не по силам. И я перешёл на шёпот:

– Как же я хочу...

– Того, что вы хотите, – перебил голос священника, – здесь нет.

– Всего-то, – ностальгически продолжил я, – сидеть в своём кресле! И думать! Рядом моя Зинаида...

– Так вперёд! Неужели тебя кто удерживает? – услышал я в своей голове.

Обратившись к Зинаиде, спросил:

– Ты со мной?

Но подойти и помешать ей я не решился. Лишь прокричал, что буду ждать её на нашем месте.

– Канал Грибоедова... Гостиница «Гоголь»... Номер... – впрочем, я знал, что если она услышала, то сможет найти меня где угодно.

И вновь оказался у полуразрушенной ограды. Неподалёку от меня на импровизированной прямо на улице скороспелой звоннице благовестил небольшой колокол. А вместо колокольни, некогда существовавшей над сводами чудом уцелевшей доньне церквушки, обезглавленное здание временно было увенчано деревянным крестом с облупившейся краской.

По заснеженной дороге, ведущей к церкви, медленной вереницей шли люди со скорбными лицами. Первой мимо меня прошла женщина, в которой я узнал даму из гаража. Остановившись на минуту, она посмотрела на меня глубоким пронзительным взглядом. Лицо её было запачкано тушью,

стекавшей с ресниц вместе со слезами. Вскоре подоспел и общий знакомый. Могучей ручищей слегка протолкнув женщину вперёд, раб Божий Стефан замер и бесцеремонно на меня уставился.

– Ты меня видишь? – спросил я.

– Короче, – густым басом заговорил бугай, оставив без внимания вопрос, – мне по фигу, кто ты такой, но морда мне твоя знакома. В общем, слушай меня внимательно.

Одной рукой навалившись на моё плечо, другую раб Божий засунул мне в карман. Тотчас вынул и указывая куда-то в сторону, проговорил тоном, не терпящим возражений:

– Видишь тачку? Ключи у тебя. Когда выйду из церкви, то чтобы ни тачки, ни морды твоей больше не видел.

В авто, припаркованном у коттеджа, я узнал знакомую машину.

– А в той хате... – Стефан кивнул на коттедж. – Там не заперто. Халдеям скажешь, что Стёпа прислал. Короче, поешь там, помойся и прикид поменяй.

На прощание Стёпа, ухватившись рукой за лацкан моего пальто, брезгливо меня оттолкнул.

Оказавшись внутри коттеджа, припомнил, что уже бывал в этом доме. На комод в гостиной стоял портрет моего шефа. Фотография была в чёрной рамке и с траурной лентой. Душ я принял в душевой кабине, которую когда-то сам помогал шефу выбирать в магазине. После душа оделся в то, что предложили люди, названные Стёпой халдеями. Костюм

шефа и его пальто пришлось мне впору. И, накормив на кухне обедом, «халдеи» проводили меня до машины.

***

Казалось, теперь у меня было то, чего так хотелось: удобное кресло, для того, чтобы думать, уютный домик на колесах и долгий путь, предназначенный мне одному. И видел я теперь только то, что хотел. Я видел себя таким, каким хотел видеть. Даже одежда на мне была такая, какую всегда хотел носить. Но главное – теперь я мог думать о том, о чём хотел, и чувствовал, что никто на свете не вправе меня контролировать, потому что такого, каким я теперь стал, я сам ни у кого не просил. Меня отдали мне самому – пусть даже за ненадобностью. Но мне было всё равно.

И ехал я туда, куда и когда хотел, когда же не хотел, то не ехал, а просто часами стоял на обочине и беспрепятственно думал. И знал, что никто мне не помешает, поскольку был уверен, что не мешал никому. Когда хотел, ехал быстро, когда хотел – медленно, не думая ни о каких правилах, как не думал и о том, что буду есть и где буду спать. И не останавливался даже тогда, когда пытались останавливать. Поначалу с тревогой ожидал погони. Но вскоре тревога отступила, и я ни на кого уже не обращал внимания. Однажды остановился лишь потому, что захотел сам. Попросили показать документы. Порывшись в бардачке, отыскал что-то и показал – отпустили, пожелав счастливого пути.

И ехал так, без особого направления, пока не закончилось

топливо. Выйдя из машины, остановил попутку, понадеявшись, что помогут оттолкнуть на обочину. Подумалось, поживу там, пока что-нибудь не изменится. Но, взяв моё авто на буксир, помогли добраться до заправки. На автозаправочной станции подошёл молодой человек, охотно помог разобраться с маркой бензина и, вставив в бак пистолет, проводил до кассы. А я, оказавшись в щепетильной ситуации, поскольку не знал, чем расплатиться, засунул руки в карманы и положился на удачу.

– Как будете расплачиваться, наличными, или картой? – спросили меня на кассе.

В кармане пальто нащупал какую-то карту и, вынув, показал её кассирше. Кассирша улыбнулась, предложив мне кофе и хот-дог. Подумал, почему бы не подкрепиться, а дальше – будь что будет.

– Вставьте, пожалуйста, карточку в терминал и наберите код, – подсказала улыбчивая кассирша.

Похоже, моя память работала на меня, безошибочно выхватывая из прошлого нужные мне фрагменты. Я не помнил, мог ли раньше видеть эту карту, но, уверенно вставив её в терминал, машинально набрал код. Код оказался верным, и, перекусив, я вернулся к своему маленькому домику.

С тех пор везде – на заправках, в придорожных кафе и мотелях – я беспрепятственно расплачивался картой. И то ли карта была какая-то особенная, то ли внешний мой облик казался убедительным, но даже в случаях, когда с меня

требовали паспорт, как-то получалось обходиться без него. Однажды в гостинице какого-то большого города в номер постучался офицер и потребовал предъявить документы. Я сказал первое, что взбрело на ум, и любезно предложил ему разделить со мной скромный ужин. Я позвонил на ресепшн, и скромный ужин доставили в номер. За текилой честно рассказал офицеру обо всём, что со мной было, и, от души посмеявшись, он весело распрощался. Прощаясь, попросил, во избежание каких-то последствий, не покидать город, по-дружески посоветовав не пренебрегать его просьбой. И вечером следующего дня заявился с компанией. Мне снова пришлось обо всём рассказать, все смеялись до слёз, а потом пригласили меня продолжить ужин в другом месте. До утра возили по значным местам, я угощал новых друзей какими-то коктейлями, а утром кто-то из нашей компании на спор вызвался позвонить какому-то Стёпе. После звонка меня сразу же отвезли в гостиницу, и где-то через час постучался человек, представившийся фотографом, объяснив свой визит тем, что друзья-де приготовили для меня подарок, для чего мне и надо сфотографироваться. Уходя, уговорил побыть ещё в гостинице. Потом опять приходил офицер и, дрожащими от похмелья руками просовывая что-то в карман моего пальто, плаксивым голосом умолял без промедления уехать из города. Тотчас покинув гостиницу, я сел за руль и, выехав за городскую черту, по привычке остановил автомобиль на обочине. Припомнив о подарке и нащупав в кар-

мане, рядом с чудо-картой, какую-то книжицу, достал её и полистал. Это был новенький паспорт с моей фотографией.

Наличие паспорта расширило возможности; казалось, весь мир был у моих ног. Ничто теперь не препятствовало думать повсюду – в любом месте меня ожидало удобное кресло. Постепенно передвигаясь из города в город, доехал до Петербурга. Доселе не приходилось бывать там зимой. И захотелось осесть где-нибудь ближе к центру. Застряв в автомобильной пробке у какого-то из каналов, обратил внимание на надпись «Отель Гоголь». Она была над одной из дверей углового шестиэтажного дома, замыкавшего ряд похожих зданий, выстроившихся вдоль дороги по ту сторону канала. Точнее, это были приделанные к стене буквы, составлявшие надпись, и, выполненные под цвет дома, они будто сливались со стеной. Отчасти из-за того, что даже при пристальном взгляде надпись не сразу можно было увидеть, но более из-за самого названия я решил попробовать постучаться туда. Однако труднее оказалось пересечь канал – пешком бы заняло не больше минуты, но на автомобиле пришлось поплутать. То, что в час-пик на парковке рядом с отелем случилось свободное место, вселило в меня уверенность, и, следуя интуиции, я согласился на первое, что предложили на ресепшене. А то, что двухместный люкс располагался на шестом этаже, лишь подстегнуло мою интуицию, как, впрочем, и то, о чём узнал, ожидая, пока меня разместят. Основную часть помещения, где примостился ресепшн, занимало нечто, похожее

на бар. Там я и познакомился с москвичами, немолодой семейной парой, страстными любителями путешествовать. В зимнюю пору в их круглогодичной туристической программе южные курорты нередко уступали европейским городам, в числе которых Питер являлся наиболее часто посещаемым ими городом. Впрочем, почти всегда это связывалось с их профессиональной деятельностью и постоянными командировками, свыкнувшись с которыми они изрядно преуспели в искусстве извлекать из полезного приятное. Они поведали, что в доме, где находилась гостиница, названная в честь знаменитого писателя, прославленный сочинитель некогда создавал свой первый мистический роман. И мне вдруг подумалось, что пусть и не в той самой комнате, где проведу я грядущие дни, и даже не в самом этом доме слагались те давние думы, но, может быть, именно здесь суждено, наконец, понять, куда и откуда я еду, где и почему отказался стоять и есть ли ещё что-то такое, на что бы я мог променять неведомо как и когда утраченную мной тишину.

***

Гостиница, где остановился, находилась на канале Грибоедова. И порой в редкие погожие дни после завтрака я выходил на прогулку. Почти всегда, побродив вдоль канала, упирался в Невский и оттуда смотрел на соборы. Иногда, пересекая проспект, прогуливался до Спаса на Крови и, возвратившись, сворачивал на проспект. По проспекту обычно шёл быстро и бездумно, лишь на какое-то время замирая у Ка-

занского собора. Меня словно тянуло к соборам, безвольно взирая на которые я всё тщетно силился вспомнить о чём-то. Но, снова окунаясь в грохочущий Невский, довольно скоро уставал и, каждый раз сожалея, что не воспользовался авто, едва доплетался до Дворцовой площади. У реки мне катастрофически не хватало осени – доселе приезжал в Петербург только осенью, – и потому, не задерживаясь на набережной, я быстро уходил, почти инстинктивно следуя в одном и том же направлении. Вскоре всегда оказывался у Исакиевского собора и, всякий раз с невольным беспокойством всматриваясь в могучие стены, чувствовал, как в моём сознании неясными мгновениями беспомощно вспыхивали и тотчас гасли какие-то назойливые и в то же время неуловимые воспоминания. Но, возвращаясь в номер, где ожидало меня удобное кресло, я снова забывал обо всём, что тревожило, и, погружённый в привычные думы, подолгу безучастно смотрел сквозь окно, с уютной высоты последнего этажа, на всё одни и те же окрестные крыши и на погребённый под ними мир, с каждым днём всё стремительней утекавший из моей занемогшей памяти.

Однажды в довольно морозный, но яркий и солнечный день я не усидел и, выйдя из номера до полудня, вернулся глубоким вечером. И хотя этот день выдался лучшим из всех, но именно с него началось моё падение в бездну.

Возвращаясь с продолжительной и необычайно приятной прогулки, мне захотелось посидеть в уютном кафе, распо-

лагавшемся неподалёку от гостиницы и в непосредственной близости от канала. Кафе походило на неплохой ресторан, с просторными залами, живой музыкой, удобно и изящно оборудованными столиками и прилежавшими к ним мягкими креслами и диванами. По-видимому, был выходной, и, очевидно, поэтому в кафе собралось достаточно посетителей. Но, так как я находился в на редкость приподнятом настроении, то вовсе и не расстроился, что не нашлось отдельного столика. Присев по соседству с приятного вида женщиной, я пожелал заказать бокал хорошего вина и, любезно попросив официанта помочь мне с выбором, сходу выбрал самое дорогое и, вероятно, действительно лучшее из предложенного. И, помню, был весьма удовлетворён как тем, что принесённым напитком оказался херес, так и тем, что херес мне показался вполне приличным. К вину заказал немного фруктов. В зале звучала спокойная музыка. Девушка играла на пианино какую-то из популярных мелодий Шопена. Узнав мелодию, я, видимо, вслух произнёс имя композитора, и, очевидно, в ответ на мою нечаянную реплику, рядом со мной прозвучал приятный женский голос:

– Да, Шопен.

Голос принадлежал моей соседке. Она сидела напротив, и перед ней на столике стояла лишь чашечка с кофе. Прежде чем женщина показалась мне привлекательной, она скорее привлекла меня тем, что как будто показалась знакомой. И какие-то мгновения, обдумывая эту вероятность, я находил-

ся в некотором смущении и не тотчас сумел её разглядеть. Но в следующее мгновение, убедившись в своей ошибке, сразу понял, что женщина просто – привлекательна, и подумал, что именно по причине её привлекательности и могла показаться мне знакомой. Впрочем, она выглядела так, как может выглядеть, наверное, любая женщина, если заблаговременно позаботится о своей внешности в преддверии какого-нибудь значительного для неё события. На ней, без сомнения, было праздничное платье, а над красивой причёской на её голове явно совсем недавно старательно потрудились в парикмахерской.

– Шопен? – сказал я, других слов у меня почему-то не нашлось. – И я не ошибся?

Соседка доброжелательно улыбнулась.

– Простите, – сказал я. – Быть может, вы кого-то ждёте? И я тут... совсем некстати... То есть, скажем, бесцеремонно занял чужое место...

Женщина недоумённо взглянула, но, тотчас, видимо, сообразив, о чём я, непринуждённо ответила на мой, в общем-то, не вполне уместный вопрос:

– Ах, не-е-т, что вы!..

Но тут же и осеклась и следом спросила:

– А почему вы так решили?

– По вашему облику, – сказал я, немного смутившись. – Может быть, у вас здесь назначена встреча... Деловое свидание... Хотя...

Я чувствовал, что оправдываюсь, но поспешил себя поправить:

– Выглядите вы, прямо скажу, празднично!

– Ах, вот вы о чём, – соседка взяла ложечку и принялась помешивать свой кофе. – Да нет!.. Хотя да – вы отчасти правы... Кстати, спасибо...

– Пожалуйста...

– Но только мой праздник будет не здесь, – продолжила говорить соседка. – Просто, я жду здесь... подругу. И у меня есть немного времени посидеть и послушать Шопена.

– Понятно, – сказал я, с удовольствием пробуя вино. – Угощайтесь, если хотите.

Я улыбнулся и кивнул на фрукты.

– Спасибо, – отрицательно покачала головой женщина и спросила: – А вы?

Задорно усмехнулась:

– Хм, вы ведь тоже совсем не буднично выглядите!..

– Хм! – усмехнулся и я. – Спасибо!

– Пожалуйста!

Встав из-за стола, я назвал своё имя и, быстро сев, вопросительно взглянул на соседку.

– Очень приятно, – ответила соседка. – Зинаида...

– Что?! – неожиданно воскликнул я.

– Что?! – встревоженно воскликнула женщина.

– Простите, – упавшим голосом промолвил я. – Я так...

Вспомнил.

– Вспомнили... Зинаиду? – участливо спросила Зинаида.

– Да... Зинаиду... Наверное...

– Знакомую?.. Или...

– Нет... Так... Ничего, – я и не знал, что ответить, потому что и сам ещё не понимал, о чём же таком я вспомнил.

Зинаида позвала официанта и попросила поменять кофе, заказав другой вместо остывшего.

– Эта знакомая, Зинаида, – немного вкрадчиво продолжила прерванный разговор Зинаида, – она как – жива, здорова?

– Думаю, да, – справившись с оцепенением, ответил я.

— Так... может быть... расскажете мне о ней?

– О нет! – воскликнул я. – В присутствии женщины говорить о другой...

– О да! – в тон мне воскликнула женщина и рассмеялась. –

Ну! Раз ваша знакомая в порядке...

– Расскажите лучше вы, – неожиданно предложил я.

– О чём?

– О вашем празднике, если это не секрет.

– Ах, какие же могут быть секреты от первого встречного! – шутливо проговорила женщина, пригубив свой кофе. – Всё просто! Мы с друзьями сегодня будем обмывать кресло!..

– Кресло?..

– Да, кресло. Мой начальник... то есть один давний знакомый, можно сказать, друг детства, на днях занял кресло в совете директоров нашей компании... Ну, где я работаю.

Вот. И по этому поводу у нас сегодня что-то вроде корпоративной вечеринки. – Зинаида озадаченно посмотрела на часы. – Вот только виновник торжества, похоже... засиделся... в своём кресле.

– Интересно, – задумчиво произнёс я.

– Что именно? – поинтересовалась соседка.

– Мой праздник тоже связан с креслом. Только с точностью до наоборот.

– Как это?

– Сегодня я праздную то, что впервые за несколько дней сумел оторваться от кресла. Сегодня я наслаждаюсь солнцем, чудесным морозным днём и приятной компанией с прекрасной незнакомкой!

– В каком смысле оторваться от кресла? – спросила прекрасная незнакомка. – Чем же таким вы заняты в вашем кресле?

– Думаю. Размышляю.

– А-а! Ну это, должно быть, приятное занятие.

– Не знаю. Наверное, – сказал я. – Это, в сущности, то, чему я посвящаю всё своё время.

– И о чём же вы думаете?

– Сейчас я думаю о вас. И о том, позволите ли вы мне вас угостить? Хотите бокал вина? Уверяю вас, херес великолепен!

– Ну ладно, – согласилась соседка.

Я заказал вино. Мы проговорили ещё с полчаса. Потом

Зинаида засобиравалась и принялась прощаться.

– А как же ваша подруга? – заметил я.

– Подруга?.. А! Она не придёт.

– Так позвольте, я вас провожу?

– Нет, спасибо, здесь рядом... Благодарю вас за вино. С вами было приятно побеседовать.

– Так мы больше не увидимся? – обеспокоенно произнёс я.

Немного подумав, женщина ответила:

– Увидимся, если вы меня куда-нибудь пригласите. Завтра воскресенье... Вот... вам... мой номер.

Зинаида достала из сумочки ручку и написала на салфетке номер мобильного телефона.

– Конечно, приглашу! – оживлённо заговорил я. – У меня машина. Я сегодня весь вечер буду думать и обязательно придумаю, куда вас можно будет пригласить!

– Договорились. Вы славный. Звоните. Пока!

И Зинаида поспешила к выходу. А я попросил счёт. Мне принесли терминал, и я расплатился картой.

Вдруг ко мне неожиданно подсел молодой мужчина. Он был нетрезв. В течение всей беседы с Зинаидой я не раз обратил внимание, как вызывающе он смотрел в нашу сторону. Незванный гость сходу, не поздоровавшись, заговорил:

– О! Крутая у тебя карта! И я её сегодня украду... Отвечаю!

Мужчина говорил громко. Я видел, как и прежде офици-

ант делал ему замечание. Теперь же официант подошёл с администратором, и они потребовали, чтобы мужчина немедленно покинул кафе.

Впрочем, неприятный инцидент не смог лишить меня душевного равновесия. Ибо впервые за много дней я ощущал неопишемую, наполняющую всё моё существо лёгкость. Мне показалось, что внезапно моя жизнь наполнилась смыслом. И я твёрдо знал, куда мне теперь идти и о чём теперь думать. Я захотел вернуться в гостиницу, чтобы думать о Зинаиде, уснуть и видеть о ней сны, и чтобы поскорее наступило завтра.

«Сидеть в своём кресле! И думать! Рядом моя Зинаида...» – слова прозвучали в голове так явственно, что, выходя из кафе, я не заметил препятствия, чуть не столкнув оказавшегося на ступеньке человека.

В последний момент мы ухитрились цепко ухватиться друг за дружку, что помогло нам удержать равновесие и не упасть. Впрочем, возможно, это и не было случайностью. Человек, стоявший на ступеньке, отцепился от меня не сразу. Сначала он осторожно сошёл со ступеньки и уже после разжал руки. Это был тот самый нетрезвый парень.

– Ух! – произнёс парень. – Ты меня чуть не грохнул.

– Простите, – буркнул я, отпрянув в сторону, и, отвернувшись от незнакомца, быстро пошёл прочь.

– Э! погоди! – прокричал незнакомец. – Ты чё, испугался?

Ему-таки хватило прыти перегнуть меня и понудить оста-

новиться.

– Погоди, – парень вперился в меня немигающим взглядом. – Брат, поговори со мной. Не бойся, я же не душегуб какой... Не! Точно! Я не убийца... Знаешь, кто я? Вор, карманник – щипач, а не мокрушник. Кстати, специалист в своей области... Не веришь?

Парень достал из кармана своей куртки бумажник.

– Видишь? А? А!?!.. Навар! И, кстати, – ты же всё видел... Я видел, как ты видел... Ты меня не сдал, братан!.. Струсил, да?

Я вспомнил, что заметил, как он приставал с разговорами к разным посетителям.

– Ничего я не видел, – отмахнулся я. – Отстань!

– Чё, правда? Не видел... Ну так я тебе продемонстрирую.

Он огляделся вокруг.

– Вон, видишь ту женщину, – парень метнулся куда-то. – Я шас, подожди. Ты только внимательно смотри.

Но, лишь парень отшагнул, я, не оглядываясь, ушёл.

– Ну и дурак! – услышал я вслед.

Добравшись до номера, не смог открыть электронным ключом дверь. Спустился к охраннику. Охранник попросил показать паспорт.

– Да, всё верно, – сказал охранник. – Что ж вы – съехали, а ключ не вернули? Ключ перекодировали, конечно.

– Как это съехал? – не понял я.

– Ну, у вас же истёк сегодня срок бронирования номера.

В номере теперь другие постояльцы.

Я понял, в чём дело. Видимо, упустил это из внимания.

– Да, досадная оплошность, – согласился я. – И что же мне теперь делать?

– Сейчас свяжусь с администратором, – предложил охранник.

Машинально сунув руки в карманы пальто, вдруг понял, почему меня недавно обозвали дураком. В карманах отсутствовали платёжная карта и ключи от машины.

«Да, щипач действительно специалист», – подумал я и, отрицательно помотав головой в ответ охраннику, навсегда покинул гостиницу.

***

Очень вскоре после того, как очутился на улице, в совсем ином положении, нежели в том, в каком ощущал себя ещё час назад, я почувствовал в себе некоторые изменения. Во-первых, совершенно иссякла уверенность и лёгкость, так что и не знал теперь, что делать, куда пойти и о чём думать. Казалось, внутри меня образовывалась воронка, затягивавшая в черноту, а всё снаружи и вокруг стало липким и колючим. Враждебными и чуждыми стали город и вечер. А весь мир словно сконцентрировался в небольшом пространстве, отделявшем тротуар, на котором я стоял, от чего-то бесформенного, во что превратилось парковочное место и во что безнадежно вмёрзло брошенное когда-то авто. И это пространство всё стремительней наполнялось холодом и мраком, бес-

предельно вливавшимися в него из каких-то неприступных и мёртвых бездн. Холод пробирал так сильно, что каждый шаг представлялся мне пропастью. Морозом сковало кисти рук, лицо и уши. И я отчётливо почувствовал, как на лбу и на руках появляются прежние ссадины, а на щеке наливаются старый кровоподтёк. Но внезапно навалилась усталость, и недоумение сменилось желанием лечь и забыться. Однако что-то, похожее на здравый смысл, понудило меня сдержаться и сначала непременно дойти до машины. Конечно, я помнил, что без ключей не попасть в салон, и, видимо, перед тем, как уснуть, попытался взломать замок. Очевидно, сработала сигнализация, и, вероятно, она работала очень долго. Наверное, поэтому первыми, кого я увидел после пробуждения, оказались полицейские.

Должно быть, мне как-то иначе следовало отвечать на вопросы задержавших меня сотрудников. Но я отвечал – что приходило на ум.

– Так вы не отрицаете, что именно вы пытались вскрыть дверь у автомобиля?

– Это моя машина.

– Чем же вы можете доказать, что машина именно ваша?

– Я на ней приехал.

И, может быть, проявившиеся на лице и руках раны могли бы тогда послужить мне на пользу, если бы совсем не в мою пользу послужили костюм и пальто. Так что, несмотря на ссадины, меня совсем не почли за пьянчужку, уткнувше-

гося в сугроб, и не прогнали за ненадобностью, как какого-то безродного бомжа. И за день, что я провёл в клетке, обвинения в мой адрес выросли как снежный ком. Теперь меня подозревали не только в попытке вскрыть чужой автомобиль и не только в его угоне, но каким-то образом выяснилось и про липовый паспорт. Единственное, что не удавалось выяснить, так это кто я такой. Но в этом и я уже был не помощник, потому что помнил лишь имя, указанное в паспорте. Так и очутился в следственном изоляторе.

Камера, куда меня поместили сначала, оказалась буквально набита людьми. Некуда было присесть. И нестерпимо долго не отпускало ощущение, что нечем дышать. Воздух был спёртый и прокуренный. Всюду царил тяжелый запах. И было жарко и дымно, как в бане. В первый день меня не только не трогали, но, казалось, почти что и не замечали. Приходилось самому с кем-то заговаривать, чтобы обрести возможность не то что поспать, а хотя бы ненадолго где-нибудь прилечь. Спали по очереди, но и уснуть не всегда удавалось.

На следующий день ко мне пристали из-за одежды. Парень показался знакомым. Позднее выяснилось, что он вор-карманник. Он не отставал от меня несколько часов, сначала то и дело заговаривая со мной. То он приставал с одним и тем же вопросом, откуда он может меня знать, то как будто в чём-то желал уличить. Потом всё предлагал с ним подраться – так, для потехи. В результате принялся во всеуслышание обвинять меня то в трусости, то ещё в чём-то, чего я не сра-

зу смог уразуметь. Когда же понял, к чему он подводит, то перестал отвечать ему вежливо, после чего он перед всеми заявил, что я отнёсся к нему неуважительно. Я чувствовал, что за нами наблюдали сокамерники. И догадывался, что всё из-за моей одежды. Впрочем – не только, потому что разворачивавшаяся сцена уже многих заинтересовала. Но всё-таки главное – одежда. В общем, мне было всё равно, в какой оставаться одежде. Но я сознавал, что если позволю отобрать у себя одежду, то мне не только не станет там легче, но, наоборот, проблем лишь прибавится. А мне и так было тяжело из-за невыносимого воздуха и постоянно преследовавшего тошнотворного запаха. В конце концов парень не утерпел и первым кинулся на меня. Ему удалось раза три меня больно ударить. Но после того как мне удалось, увернувшись, ударить его, ему на помощь выскочил ещё участник. Тогда-то я и оказался вынужденным сопротивляться по мере своих сил. В результате, когда я уже не смог устоять на ногах, на меня накинuloсь сразу несколько человек. И я бы, конечно, сдался – ведь раньше, почитай, и не дрался по-настоящему. И сжался б в комок, и, конечно меня бы попинали, но, разве, может быть, на какое-то время и оставили бы в покое. Но случилось так, что я стал задыхаться и в какую-то секунду, решив, что она последняя в моей жизни, смог одновременно вспомнить о трёх эпизодах из прошлого. Однажды я утонул, но спасся, когда вдруг принялся решительно размахивать руками и ногами. Это помогло выплыть наружу. Другой

эпизод оказался похожим на то, что происходило в камере. Как-то в детстве на меня навалилась группа заигравшихся пацанов, и я начал задыхаться. Тогда неожиданно для себя я напрягся и, громко закричав, руками и ногами расшвырял ребят по сторонам. Меня после этого происшествия долго обзывали психом. И ещё об одном случае из детства я вспомнил в эту опасную минуту. Как-то на зимней прогулке ребята замуровали меня в импровизированном танке, сооружённом из теннисного стола и со всех сторон, кроме лаза, залепленном большими комьями из снега и льда. Задыхаясь, я закричал и сумел ногами пробить лаз с другой стороны. Видимо, всё, что случилось со мной тогда, произошло непредвиденно и инстинктивно. И вот, в этот самый момент, когда я снова стал задыхаться, я словно взбесился и, очень громко заорав, сумел высвободить ноги и руки и со всей мочи стал лупить ими по всему, что попадалось. Человека два сразу же отлетели в стороны. И я, машинально вскочив на ноги и продолжая истошно орать, принялся метаться и изо всех сил размахивать руками и ногами, нанося отчаянные удары. Наверное, я был в исступлённом состоянии, потому что осознанно помню лишь момент, когда через распахнувшуюся дверь в камеру проник свежий воздух. Я инстинктивно метнулся в сторону двери и, едва не сбив с ног надзирателя, выбежал в коридор, вероятно, для того, чтобы отдышаться, и долго не мог отдышаться, валяясь и катаясь по полу. После инцидента меня заперли в карцере, и лишь позднее я узнал, что по-

калечил несколько сокамерников.

***

В карцере было спокойно. Сняв пальто и подстелив под себя, улёгся прямо на полу и беспрепятственно проспал до тех пор, пока за мной не пришли. Во сне много раз слышал одно и то же: «Раб Божий Стефан, раб Божий Стефан, раб Божий Стефан». А проснувшись, был полон сил и решимости, потому что вдруг почувствовал, что должен сделать что-то правильное.

Потом меня проводили в просторную камеру, в которой находилось человек пять, не более. Среди прочих был и тот пристававший ко мне парень, вид которого мне показался напуганным. Меня позвали и подвели к одной из шконок. На кровати сидел верзила, в руках он держал банковскую карту.

– Знаешь, что это? – спросил меня верзила.

– Где-то видел, – ответил я, – но где, не помню.

Отвечая на вопрос, я действительно не мог вспомнить, где видел эту карту, но в уме отчётливо мелькали цифры. Они так настойчиво просились наружу, что я еле сдержался, чтобы не выкрикнуть. И всё думал, что это ещё не то, ради чего я сюда пришёл.

– Не, Стёпа – точно он! Отвечаю! – встрял в разговор знакомый парень.

– Не помнишь, говоришь? – обратился Стёпа ко мне.

– Не помню, – улыбнулся я. – Но, кажется, знаю, что тебе нужно.

– Что? – по-бычьи уставился на меня Стёпа.

Я огляделся по сторонам и отошёл к столу.

– Стоять! – заорал на меня мужик с загипсованной ногой и побитым лицом.

Не обращая внимания на окрик, я быстро схватил карандаш, валявшийся на газете, оторвал от газеты клочок, написал на нём цифры и, вернувшись на прежнее место, протянул бумажку Стёпе. Стёпа прочёл и заинтересованно посмотрел на меня.

– Точно? – спросил.

– Всё, что помню, – ответил я.

– Что ж, псих, живи, – произнёс Стёпа, поднимаясь со шконки, – не такой уж ты и дурак, как тебя рисуют.

Оттолкнув злосчастного парня, Стёпа направился к умывальнику. А мне указали моё место.

Лёжа на шконке, я ждал своего часа. Не знал, что именно, но чувствовал, что случится скоро.

Всё произошло ночью. Сначала было тихо, и все спали. Задремал и я. Внезапно на меня навалился человек и крепко вцепился в горло. Пока один душил, второй держал ноги. Прежде чем увидеть того, кто душил, я узнал его по запаху. Ещё днём обратил внимание на смрадный дух, исходивший от мужика в гипсе. Не знаю, как это вышло, но мне удалось соскользнуть с кровати, и в следующую секунду над нападавшим навис уже я и принялся безостановочно бить его по больной ноге. Мужик орал и матерился, а я методично про-

должал бить со всей мочи, пока не растрепался гипс. Вторым из нападавших был тот самый парень-вор. Теперь он обес-силенно стоял и ошарашенно взирал на приобретшее столь неожиданный поворот происшествие. Я же, оторвав кусок гипса, стал засовывать его в рот своей жертве, отчего края рта разорвало, и оттуда хлынула кровь. Мужик уже только хрипел и с ужасом смотрел на меня вытаращенными глазами. Наверное, я не осознавал, что происходило со мной, но, безжалостно совершая эти действия, не чувствовал и нена-висти. Единственное, что сознательно ощущал, так это при-ятно разливавшееся по телу удовлетворение, какое бывает, когда уверен, что делаешь то, что должно.

Не помню, что происходило потом, но, придя в себя, я оставался ещё в камере и сидел на полу, прижавшись спиной к окровавленной кровати. Надо мной присел Стёпа. Осталь-ные притаились на своих местах.

– Да, псих, – задумчиво произнёс Стёпа, – удивляюсь всё больше и больше.

Помолчав, продолжил:

– С тобой не соскучишься. Такого концерта я ещё не ви-дал.

Я молчал, у меня болела голова, и меня подташнивало.

Как бы извиняясь, что пришлось меня «вырубить», Стёпа обмолвился, что с Бешеным всё в порядке, что он в больнич-ке, что голоса ему никто не давал, но что он больной на всю голову и что от задуманного не отступится.

– Хм, – усмехнулся Стёпа. – Бешеный сломал бешеного. Не бойсь! Я сказал, что он со шконки упал. Хм! И зачем это он с больной ногой полез на верхние нары?!. Чудак человек!

Стёпа засмеялся.

– Потреплют тебя, готовься! Но ты, конечно, справишься. Ну, бывай, псих! Почитай, доброе дело сделал. Многие за Бешеного тебе здесь спасибо скажут.

А утром надзиратели устроили мне экзекуцию. Заставив раздеться, провели перед всеми. Затем, избив дубинками, облили водой и нагим заперли в карцере. Когда били, кричал от боли. Смеялись и били, пока не примолк. Потом потихоньку ревел и стонал. В карцере хотел лечь, но не позволили, пригрозив дубинкой. И очень долго стоял и мёрз, изнывая от болей и усталости. Лишь после того как начало сильно знобить и я в изнеможении рухнул на пол, я перестал обращать внимание на дальнейшие действия надзирателей и мне, наконец, вернули одежду. Смог ли одеться, не помню. Помню, как лежал на койке: полные ненависти глаза Бешеного, Стёпа, обрывки фраз:

– Шмотки... Бешеному за ущерб... Они того не стоят... Куртка...

Собственные путающиеся мысли:

«Куртка знакомая... На ком же я мог её видеть?.. Вечер... Гоголь... Кафе... Телефон...»

Снова слова Стёпы:

– Переводят тебя... Подальше от греха... Следственный

эксперимент... Кореша... Помогут.

Снова открыв глаза, почувствовал, что боль стала приятной. Главное, она не мешала теперь думать. Я поднялся и сел на кровати. На мне чья-то куртка. Сунув руку в карман, нашупал что-то – салфетка. Спросил:

– Откуда эта салфетка?

– Из ресторана, откуда же ещё? – ответили мне.

– А где цифры?

Мне не ответили. Долго думал. Даже когда кричали и требовали встать, я думал о цифрах. Когда не вставал, меня сбрасывали на пол и пинали. И, корчась от боли, катался по полу и думал о цифрах. Когда же вставал, всё равно кричали и снова били. Но, загибаясь от боли, я думал о цифрах, и в конце концов боль стала приятной и уже помогала думать. Иногда, отвлекаясь от мыслей, принимался искать салфетку и спрашивал, куда она могла пропасть, но все отмахивались, пока не подошёл кто-то и сказал, что салфетку выкинули. Я перестал думать о цифрах и уже просто лежал или сидел и просто думал.

Подошёл человек и спросил, узнаю ли я его. Сказал ему первое, что пришло на ум.

– Что?! Откуда ты знаешь?! – заорал и схватил меня за грудки.

– Мама, не хочу! Мама, не хочу! Мама, мама, не хочу, не хочу! – закричал я.

Он отпустил и, отпрянув, сел на лавку.

– Вспомнил! – заорал я и вскочил с кровати. – Тебя мама привела! Мама привела! Ты – раб Божий Стефан!.. Раб Божий Стефан! Раб Божий Стефан! Раб Божий...

– За-мол-чи-и-и! – раб Божий Стефан вскочил с лавки, и приятная боль повергла меня в тишину.

***

Я стоял рядом с мамой. И всё хотел спросить. Но не осмелился и выбежал на улицу.

Увидев качели, стал кататься. Но просто так кататься было неинтересно. Тогда я подбегал к ним снова и снова, пока не придумал, как буду кататься, чтобы было не скучно. И решил, что буду кататься до тех пор, пока меня не уведут домой. И каждый день приходил и катался, но за мной так и не пришли. Тогда я вернулся, чтобы спросить. Но все слушали проповедь. Священник говорил долго, и, не дождавшись, я вышел и сел в автомобиль. И много раз так садился, пока не решился поехать один. Я ехал, минуя проспекты и города, и, пока ехал, подрос, и автомобиль стал для меня слишком мал. Захотев пересест в другой, долго подыскивал подходящий. Когда, наконец, нашёл и, усевшись поудобней, подумал, куда поехать, то ничего не придумал лучше, как просто сидеть и думать.

Однажды ко мне подошёл немолодой мужчина субтильного вида. Он постучал по стеклу, я нажал на кнопку стеклоподъёмника. Одет был мужик явно не по сезону: красная бейсболка, тонкая замызганная курточка, выдавшие ви-

ды джинсы неопределённого цвета, из-под куртки выглядывал растянутый серый свитер, на ногах грязные кроссовки.

– Привет! – поздоровался мужик. – Не помешаю?

Приветственно кивнув, я пожал плечами.

– Я Женька, – представился Женька и вопросительно на меня уставился.

– Стёпа, – как будто что-то припоминая, не сразу откликнулся я. – Стёпа, пожалуй.

– А! Ну ладно! – Укутав руки в рукавах свитера, Женька поёжился. – Так будем знакомы?

– Будем знакомы, – повторил я. – Так ты меня видишь?

– Ещё как! – Мужика, похоже, нисколько не удивил мой вопрос. – Несколько дней уже на тебя пялюсь!.. Машина, смотрю, у тебя что надо! Печка, у-ух, не слабая! Пустишь погреться?

Я кивнул и, открыв пассажирскую дверь, впустил Женьку.

– Вижу, стоишь, никуда не едешь, – тараторил Женька, с удовольствием усаживаясь. – Снежище-то валит, а вокруг тебя ни сугроба. Ну, думаю, тепло, значит. Дай, думаю, постучусь. Спасибо тебе, удружил.

– Да, – согласился я, – машина хорошая, самому нравится, давно о такой мечтал.

– И где разжился, если не секрет? – спросил Женька.

– Тут, неподалёку.

– В нашем автосалоне? – удивился Женька. – Что-то я там не видел таких красавцев.

– Один краше другого! – сказал я. – И, как оказалось, бери – не хочу. Вот я и взял себе один.

– Что? Прямо-таки подошёл и взял? – захохотал Женька.

– Зря смеёшься, – мне оставалось лишь в недоумении пожать плечами. – Сам не знаю, как вышло. Продавцы не обращали на них внимания. Я говорю продавцу: покажи. А он отворачивается, не хочет даже разговаривать. И кто их только нанимает? Пришлось самому: подошёл, открыл дверь, посидел в салоне, ключ даже в замке, представляешь? Датчики пищат, но никто не слышит! Что там за продавцы? Включил зажигание – никто и усом не повёл! Думаю, рискну, стронусь с места – может быть, тогда снизойдут вниманием. Посигналил даже – ноль эмоций! Так и уехал. Даже глазом никто не моргнул!

– А как же охранники?

– Вот в том-то и дело, что никто, ни продавцы, ни охрана – даже не взглянули в мою сторону... Чудеса да и только! Правда... Есть у меня кое-какие догадки...

– Да-а! – подивился Женька. – Так ведь это ещё и суметь надо!

– Сумел вот, – смущённо выдохнул я. – А ты как, совсем без авто?

– Да, совсем. А теперь ещё и на улице оказался.

– Почему?

– Видишь там домик? – спросил Женька, указывая сквозь лобовое стекло.

– Да, вижу что-то. Вон тот, из белого кирпича?

– Ага, он. Мои апартаменты! Вот только который день уже попасть не могу – с дверью, что ль, чего или с замком?

– Живёшь здесь?

– Не! Работаю. Но... И живу тоже. Я, знаешь ли, кхм, – кашлянул Женька, – из дома ушёл. Вот здесь теперь и живу. То есть и работаю, и живу. Дома-то у меня всё было, и машина была не хуже этой. Я ведь бизнесом занимался. А до того в милиции служил. Майором был, о! Потом не пошло с бизнесом. Друзья место нашли здесь. Работа не пыльная, денежки хозяин платит.

– А что за работа?

– Да за кладбищем присматриваю. Что-то вроде управляющего. Так, дырку затыкаю.

– Понятно.

Я подумал.

– А знаешь, Евгений! – предложил я. – Кажется, смогу тебе помочь. Я у автосалона этого бросил свою старую тачку. Ты парень не рослый, тебе она в самый раз будет. Рискнём, наведаемся... Авось не запалимся!

Давно уже хотелось прокатиться на новой машине. Вот и подвернулась цель – проверить кое-какие мыслишки. Ведь ежели моя машина, кроме меня, никому не нужна, то нужен ли я сам кому-нибудь, кроме Женьки?

***

Женька тоже видел те машины. И весьма удивился тому,

откуда в знакомом автосалоне взялся новый зал. Никого из обслуживающего персонала автосалона в зале не оказалось. На стоявшие там автомобили по-прежнему никто не обращал внимания. Однако Женька так и не решился повторить мой подвиг; сказал, что не хватило уверенности. Так что обратно он уехал на моей старой машине. Она стояла на том же месте, где я бросил её несколько дней назад. И словно и не было обильного снегопада. Увидев авто, Женька так сильно обрадовался, что, даже не справившись о ключах, тотчас уселся за руль и поехал. С тех пор он преимущественно находился в своём авто, припаркованном около офиса. Лишь изредка подходил ко мне, чтобы в очередной раз поблагодарить за помощь. И всякий раз повторял, что в машине ему теперь лучше, чем в доме. Очень хвалил печку и то, что авто не прожорливо. На мои вопросы, чем же он занят в машине, отвечал, что слушает музыку, что он меломан, что в машине замечательная аудиосистема и полно дисков с его любимой музыкой. Иногда отъезжал ненадолго и, возвращаясь, всегда прибежал и предлагал закурить. Всё говорил про какую-то акцию в супермаркете и про то, сколь богат и разнообразен там выбор предоставляемых по акции напитков и табачных изделий.

Однажды захотел посидеть со мной. Очень долго молчал. Казалось, что просидел так не один день. Потом поведал свою историю:

– Сначала падал в бездну. Катился в пропасть, точно. Ни-

что не могло меня удержать: ни дети, ни жена. Жена бросила. Дети начали забывать. А мама лишь плакала и молилась. Потом вдруг остановился, и появилась у меня идея. Я выучился на права и купил свою первую машину. Потом вторую, третью. Каждая была лучше предыдущей. Помню, совершенно бросил пить и курить. И даже закодировался. Вернулся к жене. Бизнес замутил... С бизнесом, правда, долго не клеивалось... Я не сдавался, нет! Но мне как-то неинтересно, что ли, было этим заниматься. Страсть у меня появилась. К машинам. Всё никак не мог выбрать себе подходящую. И жене вроде сначала нравилось. Но потом... Приревновала она меня, что ли, к этим машинам? Да ещё этот бизнес... В общем, пришлось его продать. Устроился сюда, – Женька кивнул в сторону видневшегося вдаль домика. – И вот, значит... Сижу я как-то... в своей машине. Музыка врубил. Хорошо, никто не достаёт. Но и чего-то не хватает. Домой, знаешь, не тянет. Жена пилит: продай да продай машину, купи попроще. А мне это «попроще» как нож в сердце... Тоска, понимаешь? От этой тоски и... достал там... из бардачка... Бросил-то бросил, но было припрятано. Закурил так. Полегчало, блин! Музыка, авто, сигаретка... И захотелось чего-то... для полной радости. Ну и... сгонял до супермаркета. А там... Эх!

Женька быстро вылез из машины и убежал к себе.

Незаметно пролетела зима. По весне прибежал, чем-то взбудораженный, и постучался.

– День рождения у меня, – говорит. – Приходи, отметим.

Посидели в офисе. Рассказал, что приходили родные, наговорили приятных слов, что теперь ему тошно жить так, как жил раньше, что рад наступившей весне и тому, что навалилось работы. Говорил, что у него появились помощники, что познакомился с бабушкой, и вместе они воздвигли храм.

– Представляешь, раньше я не понимал! А теперь вот знаю.

И приглашал меня, и я пообещал придти. Но он так сбивчиво мне говорил о том, куда идти, зачем и для чего, что я так и не смог понять, о чём он говорил. Прощаясь, спросил, приходили ли ко мне мои? Но, снова не поняв, о чём он, я напоследок лишь пожал ему руку. С тех пор я его не видел и, куда он уехал, не знаю.

***

А на меня, как снег на голову, свалилась работа. Не то чтобы я думал об этом. Скорее о том, что возможность думать и есть работа. Но в мире говорят, что за всё надо платить. Например, за место под солнцем. Или за кресло. А мне, наверное, предстояло поплатиться за авто.

Началось с того, что приехала женщина. Она остановилась рядом, вышла из машины и пошла напрямик к Женькиному домику. Лишь только вышла, выбежал и я. Хотел было познакомиться, но не вспомнил собственного имени. А представляться Стёпой не захотел, так как чувствовал, что это не совсем моё. Пошёл за ней. Из офиса она вышла с бу-

кетиком цветов и направилась вглубь. Я шёл до тех пор, пока она не заговорила. И сначала подумал, что обращается ко мне. Но тут же догадался, что говорит она с кем-то, кого я не заметил, и из деликатности отстал. Однако фразы по-прежнему слышал отчётливо. Более того, они звучали в моей голове.

– Помнишь Питер? – спрашивала она кого-то невидимого. – Наше место на канале Грибоедова. Твоя командировка. Да, ты остановился в отеле «Гоголь»! А я гуляла вдоль канала. Ты купил три бутылки испанского хереса в винном магазинчике рядом с гостиницей. Ещё оправдывался, что забрал последние, что были в магазине. Но это потом. Ты вышел из магазина, увидел меня и выронил бутылку. Она разбилась. Это выглядело так смешно, что я не удержалась и рассмеялась. Ты стоял как вкопанный и тоже смеялся. И помнишь кафе? Даже не знаю, как ты уговорил меня отведать твоего хереса? И вообще нёс какую-то чушь... Шопен? Да, да – Шопен. Ты пригласил меня...

Вдруг голос замолк. К женщине подошёл священник с дымящимся кадилом. Я и раньше обратил на него внимание. Он ходил вдоль рядов и то и дело нараспев кричал: «Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!» О чём они говорили, я не расслышал. В голове загудело, и потянуло куда-то, откуда, как казалось, доносилось гудение. Но лишь я очутился в машине, как голос в голове возобновился:

– Ты всегда хотел послужить другим. Знаю, как много ты

думал об этом. Наверное, поэтому тебя и отняли у меня. Стоишь теперь где-то на своем посту! А я – на своём.

А мне подумалось о Питере и о каком-то отеле «Гоголь», о котором, не знаю где, но слышал и раньше, как и о том, что в том доме молодой Гоголь писал свои «Вечера на хуторе». Подумал, что непременно съезжу, и даже порадовался, что появилась цель. Только долго думать не пришлось. Вдруг, независимо от меня, авто дёрнулось и покатило по площадке. Едва успев ухватиться за руль, я выехал вслед за женщиной. Её машина, стремительно набирая скорость, мчалась в сторону города. Разогнался и я. Внезапно среагировав, бездумно совершил обгон и, вернувшись на свою полосу, обнаружил, что по встречке на меня несётся фургон. Сообразив, что от столкновения не уйти, что сзади её машина, решил принять удар на себя. В самый последний момент вспомнил о чём-то похожем, о чём-то роковом, несомненно случившемся со мной, но почему-то до сих пор недодуманном и в то же время до боли ясном и напрочь позабытом. Однако в следующее мгновение я уже сидел рядом с водителем фургона.

– Фу ты, чёрт, – ругнулся водитель. – Что это было?

Я видел, как женщина с побледневшим лицом и дрожащими руками пытается объехать вставшую на пути машину. Выскользнув из грузовика, я обнаружил свой автомобиль совершенно невредимым и с работавшим двигателем. Снова сев за руль и отъехав на обочину, хотел было обдумать про-

изошедшее. Но не тут-то было. Авто тотчас рвануло с места и взлетело. Ещё через несколько мгновений я оказался на незнакомой трассе. В тот же миг и таким же, вероятно, образом, как и минуту назад, я смог остановить несущуюся по встречке фуру.

И с той поры, наверное, я провёл год в точно таких же, не прекращавшихся ни на миг мгновениях. Незаметно сменялись времена года. Днём и ночью перед глазами мелькали трассы, города, летевшие навстречу фургоны. И не находилось минуты, чтобы подумать. Со временем я смог осознать, в чём заключалась моя миссия, и научился отслеживать места столкновений. Мгновенно перемещаясь, я побывал во многих городах. Но у меня не было возможности насладиться лицезрением ландшафтов и пейзажей. Так я стал охотником. И заметил, что таких, как я, много. Иногда мы работали группами, подчас спонтанно меняясь машинами. Порой не успевали даже познакомиться и разлетались в противоположные стороны. Со временем от напряжённого графика у меня начались видения. Тогда я превращался в собаку, с остервенением кидавшуюся на машины, чувствовал себя частью стаи и, словно утратив человеческую природу, весь обращался в инстинкт. Наверное, это длилось бы ещё не один год, если бы однажды меня случайно не сбило машиной. В тот момент я настолько, видимо, свыкся с образом собаки, что, на какое-то время позабыв о своей миссии, ощущал себя лишь собакой. От мощного удара и нестерпимой

боли я истошно завыл и запрыгал на голове. Последнее, что запомнил, это как меня отшвырнули в канаву.

***

Очнулся валявшимся на полу в какой-то двигавшейся клетке. Я лежал у чьих-то ног и скулил. Посмотрев вверх, увидел, что это раб Божий Стефан.

– А-а, – прохрипел я. – Хозяин!

– Да заткнётся ты наконец! – вскричал сидящий напротив Стефана.

Подняв глаза на него, узнал Бешеного. Инстинктивно обнюхав его ноги, я сморщился и процедил:

– У-у, вонючка.

Бешеный замахнулся, чтобы ударить меня, но Стефан перехватил его руку.

– Остынь, Бешеный, – произнёс Стефан. – Хватит с него побоев. Видишь, на нём живого места нет?

– Зря ты, Стёпа, с ним цацкаешься, – прошипел Бешеный. – Пляшешь под его дудку... Дай я пришибу его, как бешеную собаку!

Я вскочил на четвереньки и зарычал на Бешеного. Тот отпрянул, и в его глазах я прочел знакомый ужас. Стёпа погладил меня по голове, и я положил голову ему на колени.

С момента моего пробуждения в фургоне, в котором нас перевозили, не переставая лаяла овчарка. Конвойный, как ни силился, не мог её успокоить. Тогда я посмотрел ей в глаза и зарычал. Овчарка заскулила и забилась под лавку, на ко-

торой сидел хозяин. Теперь уже у конвойного не получалось её оттуда вытащить.

– Ты бы лучше поучился у психа, – говорил Стёпа Бешеному. – Ведь это наш билет, если сами не оплошаем. Так что молчи и учись. Отлежимся в дурке, и на свободу. А там и дела продолжим.

– Нет, нет, нет, нет, нет, нет! – всполошился я. – Никаких больше дел! Повторяй за мамой, повторяй за мамой, ну же, повторяй, повторяй! Повторяй: я больше не буду этим заниматься... Повторяй, повторяй!

Стёпа усмехнулся и повторил. Я вскочил на ноги и зарычал на Стёпу.

– Очень серьёзно повторяй, – устрашающе произнёс я, нависнув над сидящим. – «Обещаю, что больше не буду этим заниматься!»

– Обещаю...

Стефан перепуганно сглотнул и повторил фразу слово в слово.

– Так, хорошо! – прокричал я, порываясь.

То ли почуяв, то ли заметив что-то за зарешетчатым окном, я заорал во всю глотку:

– Стоя-а-ть! Стоп машина!

Охранник было дёрнулся, чтобы меня урезонить, но я тяжёлым взглядом припечатал его к стене. Прокричал ещё что-то, но вместо слов из гортани вырывался пронзительный лай и, видимо, был настолько реален и устрашающ, что овчар-

ка принялась метаться и, кусая хозяина за ноги, явно просилась наружу. Заключённые ошарашенно взирали на меня, конвойный нервно барабанил по стене, фургон остановился.

– Открывай клетку, я выхожу! – приказал я охраннику.

Тот дрожащими от ужаса пальцами сначала открыл клетку, потом и дверь фургона. Выскакивая, я выкрикивал Стёпе:

– Помни об обещании! Мама тебя ждёт! Проповедь закончилась! Тебе пора на причастие! Слышишь меня, раб Божий Стефан?! Раб Божий Стефан! Раб Божий...

Служебный пёс, вырвавшись из рук охранника и отбежав на какое-то расстояние от остановившегося фургона, уставился на меня и начал истошно лаять. Я обессиленно свалился на мостовую. На дороге образовалась пробка. Водитель и конвойные с трудом успокоили собаку и загнали её в машину. На меня уже никто не обращал внимания. Военные вызвали подмогу и, озираясь по сторонам, решали, что делать дальше. Отдышавшись, я встал на ноги и пошёл вдоль улицы. Меня никто не преследовал. Улица мне что-то напомнила, и вскоре я узнал канал Грибоедова. До вечера бродил вдоль канала. Догадавшись, что снова невидим, я не мог сосредоточиться на своих действиях. То мне казалось, что я иду нормально, то вдруг ощущал себя бегущим на четвереньках. Отовсюду, где бы я ни появлялся, раздавался лай собак. Доселе я и не представлял, сколько собак может скрываться на одной лишь улице. Собачий лай преследовал меня

и ночью. Так я добрёл до Казанского собора. Там собак было меньше. И я прилёг на скамейке. Очнувшись, попробовал осмотреть себя, но не увидел ничего, кроме скамейки. Я сел и попытался себя ощупать. Странно: вроде бы и чувствовал своё тело, но при попытках нащупать что-то руки мои, едва прикасаясь, тотчас проваливались в пустоту; я даже не смог определить, во что одет. Однако, ощущая под собой лавку, я сидел на ней и не проваливался; когда же шёл по земле или стоял, то стоял твёрдо и шёл твердо. Но когда прикасался руками, руки словно сливались с предметами, и я ничего не чувствовал. И всё же, когда лежал, сидел или стоял, то мог ощущать это своим телом, и даже мог облокотиться, в том числе и руками. Ещё я перестал слышать свой голос. Когда же пробовал что-то сказать, то у меня ничего не выходило. При этом я слышал всё, что происходило вокруг. Разве только видел расплывчато, как человек, который плохо видит без очков. Отовсюду до меня доносились рычание и лай собак. И, намереваясь хоть как-то укрыться от них, я поспешил убежать в собор. В соборе было мрачно, но тихо. Собак там не было слышно. Желая понять, что происходит со мной, я пытался заговаривать с людьми. Но то ли они меня не слышали, то ли у меня не получалось что-либо выговорить. Я не знал, чем занять себя внутри этого огромного здания. И не понимал, чем заняты остальные. Я слышал лишь тяжёлую, сдавливавшую уши тишину. Вдруг почувствовал присутствие кого-то, кто отличался от всех там присутствовавших. И сра-

зу же понял, что почувствовал. Просто я оказался рядом с местом захоронения великого полководца Кутузова. Тут же перед глазами развернулись батальные сцены – вспомнилось всё, что когда-то видел в кино. И тотчас подумалось, что и я на войне. Там, за стеной, притаился враг. И мне предназначено его одолеть. Теперь я твёрдо знал, что мне следует предпринять. И не заметил, как вновь очутился у скамейки. Собаки испарились. В сквере у храма прогуливались люди. Я присел и уже готовил себя к битве. Вдруг рядом со мной сел подросток, второй уселся прямо на меня. Я подвинулся. Ребята сидели и беззастенчиво матерились. Мимо нас на скейтборде промчался третий. Пронёсся ещё раз, и ещё. В очередной раз остановился чуть вдали и подал какой-то знак одному из сидящих. Парень рядом со мной, ответив на приветствие, выкрикнул лаконичную фразу:

– Есть чё?

Парень на скейтборде, кивнув в ответ, отъехал за угол собора.

А я ощутил некую силу, прозвучавшую в этом коротком вопросе. И ещё то, с какой значительностью произнёс паренёк эту фразу. И подумал о роковом смысле, должно быть, заложенном в этих словах. Паренёк же, поднявшись со скамейки, высокомерно обратился к сидящему товарищу:

– Ты со мной?

Товарищ продолжал сидеть с поникшей головой.

– Струсил, – презрительно выдавил из себя поднявшийся

и, посвистывая, отправился вслед скейтбордисту.

– Есть чё? – невольно вырвалось у меня. И, обрадовавшись тому, что у меня получилось, я с удовольствием, смакуя каждое слово, повторил столь поразившую меня фразу: – Есть чё? Есть чё?

Оставшийся парень, вдруг вытаращив глаза, вскочил с места и убежал.

Я же без промедления проследовал за угол собора. После того, как скейтбордист передал что-то мальчишке, он сразу же пустился в сторону Канала Грибоедова. Но, как бы быстро он ни ехал, я не отставал. Иногда я чувствовал, что бегу за ним на четвереньках. Время от времени, нагоняя проворного молодца, вставал на ноги и успевал шепнуть ему на ухо:

– Есть чё?

Парень замирал и оглядывался. Тогда я принимался без остановки повторять вдруг полюбившуюся мне фразу:

– Есть чё? Есть чё? Есть чё? Есть чё?

В какой-то момент парень рухнул со скейтборда и, бросив его, кинулся наутёк. Я не отставал. Иногда запрыгивал ему на спину и, вцепившись, шептал и шептал на ухо:

– Есть чё? Есть чё?

Неожиданно парень оказался на проезжей части, и его чуть не сбило машиной. Я прыгнул под колёса, и авто встало как вкопанное. Мальчишка метнулся во двор. Я настиг его и там.

– Есть чё? – повторял я. – Есть чё?

Забежав в подъезд, парень помчался по лестнице. У двери в квартиру я встретил его протяжным воем, чем, вероятно, выразил свою радость.

В квартире были мужчина и женщина. Мужчина выкрикнул парню что-то грубое, но, не обратив на это внимания, парень кинулся в объятия женщины.

– Мам... мам... мам... мам...

– Что с тобой? – встрепенулась мама и удивлённо уставилась на сына. – Что же такое произошло, что ты вдруг вспомнил про маму?

– Есть чё? – нечаянно вырвалось у меня.

– Мам... мам... Я... Я... больше... не... буду... от... отвечаю...

Я выглянул в окно. Во дворе уже собралось достаточно собак. Впереди выделялись два огромных дворовых пса: один вислоухий и без хвоста, другой с ободранной шерстью, похожий на волка. Мне показалось, что в одном из них нетрудно определить вожака. Примечательно, что оба разительно отличались от остальных. Все, собравшиеся во дворе, то лаяли вразнобой, то, позёвывая, виляли хвостами, то проделывали и то, и другое одновременно. А эти молча, целенаправленно и как-то по-человечьи смотрели на окно. Я чувствовал, что в окне они видели меня, и от этого меня пробиравал страх. Остаться в комнате было неловко, и я решил первым ринуться в бой. Почуввав в похожем на волка вожака, я шагнул сквозь стену и прыгнул на него. Волк отпрянул и оскалился.

Вся свора залилась протяжным лаем. А я вдруг неожиданно почувствовал, что совершенно перестал быть собакой и, стоя перед оскалившейся сворой, трепетал от накатившего на меня ужаса. И замер, боясь сделать хотя бы движение и понимая, что именно в этом моё спасение – один лишь шаг, и меня разорвут на части. Собачья стая разрасталась с каждой минутой, и шлейф её протянулся почти до канала. У канала образовалось столпотворение из людей и машин. А я всё стоял и заворожённо смотрел в человечьи глаза вожаков. Вдруг в своей голове услышал хрипловатые голоса. То была настоящая человеческая речь. И показалось, что раздавались голоса из скалившихся и рычащих звериных пастьей.

– И чего это она пялится?

– Думает, что у нас типа собачья свадьба.

Боковым зрением я увидел вдалеке силуэт женщины.

– Может быть, она на него пялится?

– Нет, конечно! Она пялится на тебя. Узнала знакомую Жучку. Или как тебя там – Пират, что ли?

– Не-е, я Бобик. Пиратом кличут вислоухого, в котором я щас квартирую.

– Ха! А я вообще – в сучку влез!

– Не, она мне мешает! – Бобик-Пират зарычал на женщину.

Несколько бодрых псов подхватили инициативу и, дружно облаивая зазевавшуюся прохожую, припустились проводить её куда подальше.

– Слушай, Святоша! – Видимо, Бобик обратился к тому, кто мне показался вожаком. – А в кого он вселился?

Я напрягся. Похоже, речь обо мне. Тотчас же сквозь меня проскочило несколько псов. Я понял, что надо следить даже за своими эмоциями.

– А вот тут ошибаешься, Бобик, – прохрипел Святоша. – Вовсе это не он вселился. Скорей, наоборот.

– Да? И кому это, кроме нас, до него ещё дело?

– Демона растревожил, – пояснил Святоша.

– Да? – изумился Бобик. – И за что же такая честь?

– Хм! Лаять да рыкать? – усмехнулся вожак. – Ну, если в соборе ему нечем было заняться, кроме как мечтать о геройстве...

– Тебе видней, Святоша! – усмехнулся Бобик. – Да только и я слышал, что лаять и рыкать – удел для наиболее продвинутых...

Святоша внезапно залаял и завыл одновременно. Вся стая словно взбесилась.

– Эй, Святоша, хорош ржать, – осадил приятеля Бобик. – Ты же это, святой отец как-никак.

– Ну, Бобик, пёс тебя подери! – принялся кататься по земле Святоша. – Ну удружил! Такой шутки я даже при жизни не слышал! Ведь это не просто шутка! Ведь это так оно и есть!

– Так что со психом-то будем делать? – спросил Бобик, когда вожак успокоился.

– Да пёс его знает! – Вожак встал на задние лапы, передними облокотился мне на плечи. – Пусть постоит, подумает. Не всё ему кресла просиживать! Может быть, к нам, а, Рэмбо?

Волчья пасть обожгла меня смрадным дыханием.

– Распускай стаю! – приказал вожак. – От них никакого толку. Сами помытарим. Следи за ним денно и ночью. А делает шаг – рви нещадно. Всё равно он наш, со всеми потрохами.

***

В общем-то я никогда особенно не жаловал собак и всегда их боялся. В последние годы спасался от них преимущественно в автомобиле, а там, где чувствовалось их скопление, старался не отходить от машины. Стоя во дворе, я вспомнил об этом.

Так простоял не один день. Святоша с Бобиком были рядом. Я не всегда мог их видеть, но каждую секунду ощущал их присутствие. Иногда в голове возникали хриплые голоса. Поговорить бы с ними, но знать бы как.

Мимо и сквозь меня сновали люди. Я слышал их говор, но говорить по-прежнему не мог. Оставалось думать. Но как же это тяжело – стоять и думать одновременно! Так не хватало моего кресла, о чём лишь стоило подумать, как мохнатые стражи словно срывались с цепи. И с лаем кидались до тех пор, пока я не сосредотачивался на том, что стою. И понял, что это всё, о чём позволено думать. Со време-

нем мне разрешили смотреть по сторонам. Собаки перестали обращать на это внимание. И однажды я вдруг увидел авто – то самое, на котором когда-то приехал в Питер. И догадался, что оно столь же призрачно, сколь и я, и, возможно, охранявшие меня псы. Рискнул подумать о машине, и псы не воспрепятствовали. Подумав, почувствовал, что преображаюсь. Теперь я видел себя в том же облике, в каком приехал на этой машине. На мне опять были пальто и костюм шефа. Осторожно сунув руки в карманы, обнаружил ключи, банковскую карту и карточку клиента гостиницы «Гоголь», узнав эти предметы на ощупь. Собаки словно не замечали произошедших во мне изменений. Подумав, успею ли добежать, чтобы спрятаться, решил, что это вряд ли поможет. Конечно, я понимал, что Святоша и Бобик вовсе не собаки. Да как-то не хотелось думать о них. Всего-то хотелось сесть в авто и поехать, куда захочу. Собаки не отреагировали на эту, казалось, крамольную мысль, но, только попытался сделать шаг, как тотчас набросились и, прежде чем снова замер, успели изрядно покусать. Тогда я закрыл глаза и стал просто думать о том, как сажусь в машину, включаю зажигание и трогаюсь с места. Собаки будто ничего не слышали, и я продолжил мечтать. Вот уже выезжаю из двора. При тормозив, оглянулся и увидел себя стоявшим с закрытыми глазами. Из ран, нанесённых разъярёнными псами, на землю хлестала кровь. Слизав её с земли, собаки принялись за раны. Напившись крови, сгрудились у моих ног. Подумав, что,

должно быть, они попортили мне одежду, оглядел себя, но оказалось, что одежда в порядке, в салоне никаких следов, и даже в теле я не ощущал дискомфорта.

Отъехав на безопасное, как представлялось, расстояние, я не нашёл ничего лучшего, как тотчас предаться привычному занятию. Думать, расположившись в удобном кресле, было куда приятнее, чем без толку стоять неведомо для чего. Но только подумал об удобном кресле, как в горло мне вцепилась невидимая мохнатая пасть, а в плечи вонзились незримые когти. Тут же пришлось вспомнить, где я на самом деле нахожусь, что всё ещё продолжаю стоять во дворе, а машина, одежда шефа и удобное кресло всего лишь фикция. И даже после того как лихая сила выпустила меня из своих объятий, я долго не мог успокоиться, меня преследовал тошнотворный запах звериной пасти, и, чувствуя во рту вкус собственной крови, я какое-то время не мог дышать, будучи вынужденным глотать нестерпимо-приторную вязкую жижу.

Осторожно приоткрыв дверь, я выглянул наружу. На улице было спокойно. Вдоль канала безмятежно ходили люди. Я вышел из машины и, очутившись перед знакомым кафе, заглянул в стеклянную витрину. Там увидел женщину, про которую лишь знал, что её зовут Зинаидой. Невольно окликнув, услышал свой голос и, обрадовавшись неожиданному обстоятельству, почувствовал себя уверенней. Словно откликнувшись на зов, женщина встала из-за столика и направилась к выходу. Я кинулся навстречу, но не смог найти две-

ри. Вдруг всё вокруг потемнело, и я с ужасом увидел, как от домов по обе стороны канала отделились огромные тени и с устрашающим грохотом стали на меня надвигаться. Испуганно вскрикнув, я огляделся, в поисках места, где бы можно было спрятаться. И начал кричать что-то проходившим мимо людям, но никто не обращал на меня внимание. Люди продолжали всё так же идти, как будто ничего не происходило. Не придумав чего-либо более подходящего, я побежал к своей машине. Вся округа моментально погрузилась в ночь. Я запрыгнул в машину и зажмурился. Но грохот прекратился, и я снова открыл глаза. Сквозь стекло автомобиля всё выглядело спокойно. Ничего не казалось странным, за исключением того, что вместо дня теперь был вечер. Улица освещалась светом витрин и электрических фонарей. По-прежнему вдоль канала прогуливались люди. Вновь выйдя из машины, вспомнил про кафе и захотел вернуться, чтобы поискать Зинаиду. Но в этот раз случилось ещё более непредвиденное. Внезапно подо мной задрожала земля, и, не устояв на ногах, я рухнул на мостовую. В тот же миг всё замерло, будто в стоп-кадре: застыли люди, машины, пропали звуки. Но, ожив, всё мгновенно преобразилось. Автомобили превратились в конные повозки. Люди словно сошли со старинных картин. Запахло лошадьми и печным дымом. А из чуждого мрака, освещённого тусклым светом одиночного фонаря, на меня враждебно взирали несколько страшных мертвенно-бледных лиц. Видение длилось не больше мину-

ты. Лица приблизились почти вплотную. И будто бы что-то знакомое промелькнуло, но подумать об этом я был не в состоянии, так как меня объял несказанный ужас. Я закричал, и видение рассеялось. Вечер озарился привычным светом. Улице возвратился её прежний облик. Исчезли конные повозки. Вокруг сновали обычные люди. Я поднялся и еле доплёлся до своего авто. Но, едва придя в себя, услышал стремительно нараставший гул. Он надвигался отовсюду, и я почувствовал пронизывающий холод. Вдруг со всех сторон на меня накинulo множество тварей. Какие-то рычащие липкие тени врезались и прилипали, и, казалось, ещё мгновение, и они высосут меня без остатка. С трудом отбившись от первого нападения, я впрыгнул в машину сквозь закрытую дверь. Тени пропали, но жуткий пронзительный гул я слышал уже непрерывно. Включив печку на полную мощность, я всё же не смог согреться. И хоть продолжалось это в течение одного лишь вечера, ощущалось так, будто длилось не один год. И не представлялось никакой возможности не то чтобы думать, а даже хоть как-то отрешиться от этого навязчивого состояния. И каждую секунду этой невыносимой вечности я проживал как отдельную вечность не прекращавшегося мучительного озноба и оглушительного с ума сводящего воя.

Впоследствии подобными нападениями сопровождалась каждая вылазка из машины. И уж точно не подобрать слов, чтобы выразить, сколь изошрённой всякий раз оказывались

сопутствовавшие этим нападкам мучения. Таким образом, вечер сменялся вечером, и каждый вечер становился таким бесконечным мытарством. Тем не менее каждый такой вечер начинался со всё одного и того же непреодолимого желания хотя бы на шаг приблизиться к какой-то неведомой цели, находящейся неизвестно где и совершенно непонятно, существовавшей ли на самом деле. Но если бы знать, что ещё ожидало, то этот этап показался бы развлечением.

***

В один из вечеров, а может быть, и в тот же самый, снаружи постучалась женщина:

– Свободны?

– Конечно!.. Быстрее!.. Ну быстрее же, садитесь! – обречённо крикнул я.

И ждал чего угодно, даже того, что она тотчас же вцепится в горло. Но как только села в машину, отчаянный гул отдался, и впервые за вечность я ощутил спокойствие.

– А где же – «моя Зинаида»? – услышал в голове неприятный хриплый голос. – Ну же, Рембо! Включай героя-любовника!

– Добрый день! Подкинете до Казанского собора? – попросила женщина.

– Зинаида! – воскликнул я.

– Так... Едем?.. – Наверное, она не расслышала, и с деловой суетливостью уже порывалась открыть дверь.

– Ах, не стоит! – воспрепятствовал я, изобразив удержи-

вающий жест рукой. – Простите! Конечно!

Страшный вой сменился отдалённым рычанием. А невидимые волны сотрясали автомобиль.

– Как же всё запущено! – не унимался Святоша.

Казалось, на улице свирепствовала буря. И я осторожно стронулся с места. Вдруг, откуда ни возьмись, навстречу вылетела конная повозка и, налетев на авто, с грохотом перевернулась. Лошадь копытами врезалась в лобовое стекло и, увлекаемая коляской, съехала по расплюсченному капоту. Машина осела под обрушившейся тушей. Едва преодолев испуг, я с безысходностью взглянул на пассажирку. Она как ни в чём не бывало спокойно сидела на своём месте, устало прикрыв глаза.

– Вы в порядке? – взволнованно спросил я и дотронулся до её плеча.

– Пожалуйста, не отвлекайтесь, – не без досады ответила женщина.

Позабыв про бурю и ужасы недавних потрясений, я поспешил выскочить наружу. Но, лишь очутившись на мостовой, с обескураженностью был вынужден признать, что катастрофа оказалась миражом.

Я огляделся по сторонам. Над улицей царилась ночь. Лишь неподалёку мерцал тусклым светом одинокий фонарь. Такие фонари я видел разве что в кино. Под фонарём стоял человек в старинном цилиндре и в одеянии, напомнившем шинель из иллюстрации к какой-то из гоголевских повестей. На ули-

це было пустынно и темно. Откуда-то издалека раздавались звуки, похожие на цоканье копыт. Вдруг из темноты возникли силуэты. И я расслышал непонятную речь. Какие-то люди то смеялись, то визжали как резаные, и, прислушавшись, я смог разобрать говор, изрядно смахивавший на украинский. Люди приблизились почти вплотную, и я узнал привидевшиеся мне накануне лица. Сначала принял их за цыган, но, приглядевшись, рассмотрел, во что эти люди были одеты. И сразу же понял, кого они мне напомнили, и вспомнил, где мог их раньше видеть. Я вспомнил гостиницу «Гоголь» и те репродукции, что некогда с интересом разглядывал. Картины с изображениями гоголевских персонажей были развешаны на лестничных площадках между этажами. Фантомные персонажи, словно сошедшие с иллюстраций, хотя и казались призрачными, но, как-то слишком реально представ передо мной, смогли окружить меня плотным кольцом и всё дальше оттесняли меня от погружавшегося во мрак авто. В свете фонаря призраки отступили и рассеялись. Напоследок я услышал бляение, хрюканье и демонический хохот, оборвавшиеся вдалеке. И всё это – на фоне давешнего гула, не прекращавшегося с момента первого нападения липких тварей. По минутно их рычание пугающе раздавалось в ушах. Казалось, они роились совсем рядом, готовые вот-вот наброситься.

Человек в цилиндре пошевелинулся, будто оживший манекен, глубоко вздохнул и, изумлённо посмотрев на меня, произнёс:

– Любезный!

– Простите? – откликнулся я.

– Ах, право... – заговорил незнакомец с нескрываемой отрадой в голосе. – Ведь вы меня видите! И вы настоящий!.. Не как эти надоедливые тени... Они же ведь тени, не правда ли?.. Кем же они ещё могут быть!.. Вы их видите?.. Ах, простите! Простите, любезнейший. Я так обрадовался, что вы меня увидели, что, не представившись, позволил себе... Извольте-с... Имею честь...

– Николай Васильевич! – в изумлении вскрикнул я.

– Так вы... А!.. Ну да, ну да...

Николай Васильевич вдруг погрустнел и задумчиво продолжил:

– Никак, знаете, не могу привыкнуть к этим... машинам! Вот если бы вы соизволили-с... Впрочем... Что же это я!.. Да...

И с прежним радушием принялся восклицать:

– Какой восхитительный день! Машины – что ж?.. В машинах-то всё и дело! Где много машин, там их меньше... Вот и гуляю-с! – Николай Васильевич рассмеялся. – Да и они гуляют!.. В этих – джинсовых свитках. Напустят на себя важности! Как будто не обращают внимания...

Снова погрустнел.

– Вот только кто из них кто – в этих джинсовых свитках? С настоящими-то тоже не потолкуешь. Вот вы, милостивый государь, первым соизволили...

– Ну вот, угодили в пробку, – раздался в голове отчуждённый голос Зинаиды. – В это время дня здесь всегда пробки. Пожалуй, вы правы. Лучше пройтись.

– Э! Задумчивый! – сбиваясь на лай, прохрипел Святоша. – Зинаиду!.. Э!.. Зинаиду-то не прошляп!..

– Зинаиду?.. Николай Васильевич, простите! – заметался я. – Зинаида! Зинаида, подождите! Здесь Николай Васильевич!..

– Так что, если соизволите последовать со мной, – Николай Васильевич развернулся и шагнул в темноту, – покажу моё кресло. Полагаю, вы думаете...

– Думаете? – небрежным тоном перебила нетерпеливая пассажирка.

– Не вздумай! – заорал Святоша, и тотчас в локоть ударило током.

А я, лишь подумав о кресле, почувствовал, как притихли твари. Шагнув же следом, ощутил, словно дёрнули за рукав.

– Кресла нет, – прошептала мне на ухо Зинаида.

Подумалось, что это другая какая-то Зинаида.

– Ну это с какой стороны посмотреть, – в хриплом возгласе стража появилась нетвёрдая нотка.

«Это он – про кресло, или про Зинаиду?» – промелькнула нелепая мысль.

Почуввав слабость в утративших логику мыслях Святоши, я замер. Впереди удалялась обернувшаяся тенью фигура Николая Васильевича. И призрачные лица, ещё раз мелькнув

перед глазами, тяжёлым гулким шлейфом пронеслись и прилипли к его допотопной шинели.

«Впрочем, – подумал я, – с чего это я взял, что это Николай Васильевич, а не какой-нибудь Акакий Акакиевич?»

Я стоял и не мог сделать шага. С тоской вспоминая о кресле, безнадежно всматривался в темноту. Святоша и Бобик не реагировали. А про возобновившуюся активность свирепых тварей я будто и вовсе забыл на какое-то время. Опять подумалось о другой Зинаиде, но я не осмеливался оглянуться. В то же время с какой-то болью я робко прислушивался, надеясь ещё раз услышать шёпот.

– Вспомни о том, где стоишь. Зачем ты стоишь? – Шёпот возникал и исчезал так, как будто место, откуда он исходил и куда возвращался, находилось в области, далёкой и недоступной для тех, кто пленил меня и кого я боялся.

Одновременно, как бы желая от него отстраниться, я с каждым разом сильнее и теснее прикипал к нему. А присутствие того, кто шептал, ощущалось уже непрерывно.

***

– Ой! Как это любезно с вашей стороны! – Зинаида говорила не шёпотом, голос звучал не сзади и не в голове, а откуда-то сбоку, совсем рядом.

Чего-то в голосе не хватало – как не похож он на голос, шептавший мгновенье назад! Опомившись, огляделся. Снова день, будто не было вечного мрака. Я стоял у входа в Казанский собор, и в руке у меня был раскрытый зонтик, ко-

торый я держал над головой пассажирки. Вспомнив о машине, почувствовал, что она где-то рядом. Начав было думать о ней, невольно подумал о кресле и ощутил неприятный холод.

– Так вы зайдёте? – попутчица с голосом, напоминавшим голос Зинаиды, обвела меня располагающим взглядом. – Ну... Чтобы дождь переждать?

– Да-да, – рассеянно ответил я, складывая зонтик.

– Вперёд, тугодум! – напомнил о себе Святоша. – Хотя... Местечко вы выбрали, прямо скажем...

Святоша не высказался прямо, но в реплике его явно прозвучала досада.

В соборе не слышно было воющих тварей. Но, несмотря на это, и там было что-то пугающее. Попутчица подошла к какой-то из икон и, сделав реверанс, протянула к ней руку. Из лика показалась бледная длань, и, опершись о руку знакомой, от иконы отделилась тень дамы. В богато убранном платье, в напудренном парике видение величественно прошествовало мимо меня.

– О, Бобик, смотри-ка, какое кино! – прохрипело в моей голове. – А чё! Ты чё думал – помолиться туда зашёл?!

Последнее, видимо, относилось ко мне. Попутчица, услужливо подхватив шлейф платья, покорно засемила за призраком. На миг оглянувшись, торжествующе улыбнулась. А призрачная царица, казалось, обходила свои владения. Тем временем из-под каких-то массивных лавок повывлезали люди. Одеты они были в старинные кафтаны и оди-

наковые парики, типичные для выходцев из века этак восемнадцатого. Послышалось шипение, характерное для граммофонных записей, и тотчас по собору понеслись глухие скачущие звуки, будто одновременно включили несколько заедавших пластинок. На слух эти звуки действовали угнетающе, но странные люди, словно не замечая этого, выстроившись в ровные ряды, неспешно совершали какой-то танец и при этом, нарочито открывая рты, с особенностями, присущими оперным певцам, исполняли каждый отведённую для него партию. Вдруг стены собора на глазах истончились и, вмиг став прозрачными, уже походили на стекло. И внезапно в это стекло снаружи врезалось неисчислимое множество тварей. Они облепили все стены, все свечи погасли, а в светильниках будто перегорели все лампочки. Собор погрузился во мрак, и внутри зашевелились тени. Я видел, как их становилось всё больше и больше, и от их присутствия невыносимо было дышать. Что-то подсказывало, что всё это происходило из-за меня. Я слышал знакомый шёпот, но не мог разобрать ни слова. Назойливая какофония из повторявшихся звуков, парализующие флюиды, исходившие от тварей и отдававшиеся в голове, мешали сосредоточиться. Но я уже и сам понимал, чего хотели от меня эти тени, и чем привлекал ненасытных тварей. И знал уже, что добивались они лишь того, чтобы, сдавшись, я захотел запустить их в себя и окончательно раствориться в преследовавшем меня всюду мраке.

Когда же сдерживаться стало неумоготу, на секунду как

будто убавился звук, крошечная темнота осветилась будничным сумраком, и сквозь этот относительный покой уловил я мгновение тишины. И в прояснённом на миг сознании услышал спокойный размеренный голос. И, хоть голос звучал далеко и еле слышно, я почувствовал его ближе всего, что испытывал. И не знаю, услышал ли, или вспомнил о где-то прочитанном, но запомнил и повторил:

– Создавай мя, Боже, помилуй.

В тот же миг успел разобрать чей-то шёпот. В голове промелькнули обрывки:

– Прислушайся... Вспомни... Зачем?..

Выходить наружу было опасно, оставаться внутри – невыносимо. Подумав о машине, очутился на улице. По ощущению вроде бы всё ещё был день, но мне по-прежнему всюду чудился вечер. И по-прежнему повсюду раздавался гул тварей. Машина стояла за углом собора, на месте, с которого некогда началась погоня за скейтбордистом. Теперь мне пришлось гоняться за своим авто. Как только я подходил к нему, оно оказывалось в другом месте, но всегда в пределах видимости. Передвигаясь со скоростью, неестественной для пешего, я в мгновения преодолевал значительные расстояния. Перед глазами стремительно мелькали и сменялись проспекты, площади, каналы, мосты, перекрёстки, ограды, лестницы. Врезаясь с размаху в гранит и чугун, пролетая сквозь дома и асфальт, кидаясь в тёмные глубины вод, я не только не чувствовал соприкосновения с чем-либо, но словно не ощу-

шал и самого движения. И в то же время, следуя за то и дело перемещавшимся автомобилем, я вынужден был куда чаще оглядываться по сторонам, нежели следить за ускользавшей целью, бессмысленная погоня за которой на самом деле осознавалась мной гораздо менее, чем бегство от преследовавших тварей. Изредка как будто включался свет, и я видел себя идущим вдоль канала, рядом со мной шла фрейлина призрачной царицы, и я слышал её слова. Видения длились не дольше минуты. Затем я снова погружался в ночь и вскоре догадался, что окружавший меня мрак образовывали злобные твари. Преследуя, они окружали меня плотным кольцом; однако это каким-то странным образом не мешало мне видеть. Я смотрел сквозь них и видел всё, что только можно увидеть ночью. Непрестанно отбиваясь от страшных призраков, я потерял ощущение времени. Моё тело дрожало от жгучего холода, постоянно исходившего от почти обволакивавшей меня безликой рычащей тучи. И сколько часов, или дней, а может быть, и лет находился я в этом вихре, определить не представлялось возможности. Казалось, вот-вот, и я растворюсь в этом месиве, но тем не менее, находясь в этой поминутно разрастающейся буре, я не мог ощутить хоть чего-либо нового ни в себе, ни в происходившем вокруг, кроме всё того же безысходного мучительно-бестолкового коловращения, изводящего воя и умопомрачительного холода.

И не то чтобы думать, а даже вспомнить о чём-то не нахо-

дилось сил. Единственная безотрадная мысль, осаждавшая ум за время этой безвременной, бесконечной и жуткой прогулки, – была мысль о том, что же сделать такого, чтобы перестать быть, чтобы осталась только эта беспросветная тьма. И вот, когда навязчивая мысль овладела мной, я вспомнил, наконец, об одном эпизоде из последних своих ненастных скитаний. Я вспомнил, как вышел из гостиницы, перед тем как оказался в тюрьме, про чёрную воронку, в которую меня засасывало, подумал о том, о чём подумал тогда, и понял, чего хотели от меня твари, куда желали попасть, и, подумав о чёрной дыре, догадался, откуда её начало. В тот же миг вновь услышал шёпот:

– Зачем?.. Зачем?

Шёпот был ближе, чем все эти твари. Ещё же ближе казался кто-то, кто ни на минуту не бросал меня и от кого я отделён был лишь мимолётным, но беспробудным сном.

***

Небольшая передышка ожидала у следующего собора, когда, позабыв про авто, я очутился у Спаса на Крови, и опять ненадолго забрезжил день. Вошедши в собор, попутчица велела внимательно слушать экскурсовода. Она держала себя со мной уже как с давним знакомым, не стесняясь то и дело брать за руку, и, постоянно увлекая за собой, чтобы не отстать от экскурсионной группы, даже не без кокетства одёргивала, если я отвлекался на что-либо, не касавшееся экскурсии.

– Ай, хороши голубки! – похрипывал в голове сонный голос Святоши.

Опять – словно и не было ни рычания, ни воя, ни цепящего холода. А та, что когда-то была фрейлиной призрака, с завидной деловитостью втолковывала мне про какие-то мозаичные росписи да про редкий иконографический тип. И когда все с упоением взирали на какую-то фреску с изображением мальчика, я пытался расслышать едва различимый голос, появлявшийся в голове:

– Иисусе Христе... Иисусе Христе... Помилуй... – обрывалось в отдалённых уголках сознания.

– Прислушайся... Вспомни, как слушал... Зачем? Зачем? Зачем? – ставший родным, шёпот оказался последним, что я смог уловить во внезапно и с новой силой поднявшемся вихре, разгуливавшем за дверями, о котором, похоже, никто из присутствовавших в соборе, включая мою спутницу, не имел ни малейшего представления и не последовать зловещему зову которого я уже не чувствовал в себе ни воли, ни сил.

И снова нескончаемый холод, изматывающий полёт, оглушительный рёв, неизбывный мрак. Теперь оголтелая мгла омерзительных тварей с хладнокровной беспощадностью рвала на части мою подневольную плоть, истощала кровавые раны и, стихийно сращивая обезображенные куски, словно забавлялась, превращая меня в подобных им монстров. Но, понимая, что то лишь фантомные игры, я не столько тер-

зался от призрачной боли, сколь мучительны были для меня бесконечность, бессмысленность и однообразность происшедших со мной злоключений. Не отпуская ни на секунду, неусыпные мрази таскали меня по городу, беспрестанно пугая внезапными видениями. В конце концов, я превратился в сплошные глаза и уши. Меня подносили к каждому фонтану, к каждой статуе, ко всякому памятнику, ко всем могилам на всех кладбищах, ко всем орнаментам на каждом доме. И везде, где бы ни оказывался, я видел одно и то же улыбавшееся лицо. Но в этой улыбке было нечто зловещее и вместе с тем что-то безысходно тоскливое, напоминавшее о моём пленённом состоянии. И от каждого такого бездушно-го лика веяло чёрной бездонной пропастью, что так страшно истошно выла из окаменевшего оскала улыбки. Она зияла в омертвевшем взоре, всякий раз всматриваться в который меня вынуждали до тех пор, пока твари не уверялись, что я признал в этом лице достославного основателя города.

Вдруг, словно из ночи в день, меня вышвырнуло у Исакиевского собора. Я валялся на траве в скверике у Сенатской площади. Перед носом покачивалась початая бутылка хереса. Только что, в какой-нибудь миллионный раз, я вглядывался в сводившую с ума бездну в глазах замурованного в камень Петра Великого, как вот уже смотрел на этикетку, наклеенную на бутылке, едва удерживаемой за горлышко кончиками моих пальцев. Рядом присела женщина с пластиковым стаканчиком в руке – она зажигательно смеялась, и в

глазах у неё посверкивали лукавые огоньки. Смех раздавался в моей голове, когда слух всё ещё находился в плену у отступившего вроде бы вихря, но гул и вой которого я слышал будто из-за тонкой стены, и на пути которого дневной свет представлялся лишь временной и ненадёжной преградой. Отложив бутылку, я приподнялся и сел, облокотившись на колени. Поблизости резвилась ватага молодых людей, попеременно шнырявших сквозь нас и то и дело падавших, поскальзываясь на траве. По-видимому смеясь, они беззвучно разевали рты, обнажая зубы, и их мельтешащие перед глазами, порой пронзавшие меня насквозь и, наверное, казавшиеся им весьма забавными оскалы, сопровождаемые рыками и завываниями притаившихся по соседству тварей, ужасали не менее, чем несколько мгновений назад кошмарные гримасы изваяний.

Напугал откуда-то внезапно возникший и нависший надо мной верзила, облачённый в камзол и треуголку. Наклонившись и вперившись лицом в моё лицо, он тщательно приглаживал отклеивавшиеся усики. Из-под вросшего в пропитавшуюся потом треуголку парика и с влажных распаренных висков его обильно растекались по щекам назойливые неприглядные струйки. И как-то не вязалась с его унылым обречённым взором прилипшая к нему отрепетированная улыбка. Как же теперь она напоминала мне недавние бесчисленные видения! Видимо, за этим незатейливым занятием изрядно притомившийся двойник великого царя коро-

тал минуту отдыха. А рядом с ним, должно быть, тоже переводила дух усердно обмахивавшая веером измождённое напудренное личико заметно уступавшая ростом воображаемому супругу уменьшенная и едва живая копия царицы. Невдалеке образовалась очередь. Покуда царственная чета отдыхала, досужие парочки с планшетками и смартфонами наготове активно заполняли время, прилежно фоткаясь на фоне местных достопримечательностей. Почудилось, как незримая свора монстров, словно привлечённая вспышками фотокамер, мгновенно переместилась поближе к гулявшим. Рычание раздавалось уже оттуда, и сзади я почувал похожее перемещение. Оглянувшись, увидел толпу, сквозь которую разглядел ритмично двигавшихся людей в однотипных цветастых одеяниях и головных уборах из перьев, свисавших почти до земли. Их лица были разрисованы разноцветными линиями, и, вероятно, изображая какой-то древний народ, они танцевали и пели, аккомпанируя себе игрой на дудках и свирелях.

Неподалёку от меня стояло несколько лавок. На одной из них разместился безногий бомж, обросший бородой и седыми космами. Несмотря на, казалось бы, тёплую погоду, он был в рваной дублёнке и зимней шапке с проплешинами. Навыючив на себя гору грязных пакетов со всем чем ни попадя, он лежал, подложив одну руку под голову, а в другой держал раскрытую книгу. Я не почувствовал вокруг него присутствия тварей, но, только подумав, что вот бы на миг

укрыться от непрестанно оглушавшего рёва, тотчас очутился рядом и, не в силах удержать порыв, нырнул в него, как лисица в чужую нору. Нисколько не смутившись ни запахом, ни вероломством поступка, я, точно впервые за целую вечность, предался блаженству тепла и покоя. Какое-то время воспринимая изувеченное тело бедолаги как собственное, я чуял исходивший от себя смрад его тела и даже ощущал, как двигались по телу насекомые, и чувствовал на себе его увечья, но, не обращая на это внимания, лишь радовался, внимая тишине, что могу спокойно думать и, главное, осознанно вникать в рождавшиеся в тишине мысли. Подумав о тишине, решил, что ни к чему и кресло. И вдруг, вспомнив про шёпот, вспомнил и те робкие фразы: «кресла нет»; «вспомни, где стоишь»; «прислушайся»; «ты это слушал».

«Да, – подумалось мне, – если так слушать, то отчего бы не постоять!»

Так думал я, прикрыв не свои глаза. Нищий задремал, не выронив из руки книги. Впрочем, теперь я понимал, что для того чтобы видеть, мне вовсе не нужны глаза. Да, в общем-то, не так они необходимы и для того, чтобы думать. Проснувшись, несчастный открыл глаза, и я почувствовал сильную резь. Вновь испытав чужую боль, припомнил о чём-то как будто важном. А в голове прояснилось от явственной, но мной не осознанной мысли. Она произнеслась сама собой, и я отчётливо узнал свой голос. Но только сам я ничего не говорил, а словно говорила за меня мысль.

«Когда стоишь и не слушаешь, – произнеслось во мне, – тогда чувствуешь только боль. Когда же слушаешь, то забываешь о том, что стоишь. И нет ни кресла, ни боли, ни рези в глазах, и никакого увечья или страдания».

Чтоб осознать услышанное, мне захотелось произнести это вслух. И я еле сдержался, чтобы тотчас не высказаться и тем самым не выдать себя в присвоенном мной пристанище. И, притаившись, будто растворился в терзаниях измученной плоти. Взглянув глазами страдальца, попробовал сосредоточиться на том, что он видел. И, с грустью убедившись, что он не видел почти ничего полуослепшими своими глазами, едва смог различить лишь слово на покорбившейся обложке не раз промокавшей книги. И прочёл там знакомую фамилию Гоголь со стёршимися инициалами.

Но мне испытывать эту боль казалось теперь блаженством. Только бы не слышать душераздирающего воя! А холод, какой, наверное, постоянно претерпевал этот старик, для меня был теплее, чем печка самого лучшего авто. И мне подумалось о людях, над кем витали тогда злые твари. На их месте я не хотел уже оказаться. Всегда бы оставаться таким, как теперь. И чтобы вокруг ни единой души, пускай даже и человеческой. Ни костюмов, ни чистых ванн, ни смартфонов, ни фоток, ни мягких кресел, ни удобных гостиничных номеров. И чтоб звучала одна тишина, которую ни боль, ни страдание, ни увечье, ни резь в подслеповатых глазах, ни смрадный дух гниющего тела не способны уже ни нарушить,

ни как-нибудь заглушить.

Но вмиг идиллия закончилась.

По-видимому, несчастный закурил, и тотчас я услышал в голове хриплый голос Святоши:

– Эй, книголюб, вылезай! Тебя выку-у-уривают!.. Ха-а-а! Слышь, Бобик, о чём это наш задумчивый размечтался? Эй, ты, задумчивый... Ха-а-а! Вспо-о-омни, где стои-и-ишь!.. Ха-а-а!.. Бобик! Он, это, без ног решил постоять!.. Ха-а-а! Может, и правда, оттяпаем ему ноги-то? Эй, хорёк, откусить тебе ноги, а?

Я почувствовал резкую боль в коленках и вскрикнул. Вдруг мужик захрипел, закашлялся и рухнул со скамейки.

– Эй, столпник! – продолжал глумиться Святоша. – При-слу-у-ушайся!.. Ха-а-а! Верней, смотри в оба – концерт тебе шас забачаем! Ты – главная роль... О! Сейчас увидишь, как безногие бомжи бегают!

Не успел Святоша договорить, как огромная свора воющих злыдней вторглась в моё убогое пристанище и с рычанием уставилась на меня. Увидев в сгустившемся мраке горящие ледяным огнём угольки, я в смятении хотел кинуться наутёк, но, не в силах и шевельнуться, почувствовал себя запертым в клетке. Вдруг видение рассеялось, и во внезапно образовавшейся тишине, лишь нарушаемой недобрым смехом Святоши, до меня донеслось визжание обезумевшего старика. Клетка, из которой я всё ещё не мог вырваться, вдруг содрогнулась, и, захотев освободиться от ненужного

ярма, я инстинктивно побежал, невольно увлекая за собой узилище. В следующее мгновение меня вышвырнуло, словно пробку из бутылки. И в тот же миг я увидел бегущего по асфальту бомжа. Ещё несколько мгновений он машинально ковылял, переступая культиями, потом качнулся и упал вниз лицом. Во время всей этой сцены за стариком следовали зеваки с телефонами, фотоаппаратами и смартфонами и все как один, дружно вытягивая вперёд сверкавшие фото вспышками камеры, словно расстреливали бедолагу, непрерывно щёлкая затворами электронных устройств. Я видел, как от некоторых фотовспышек со злорадным криком отлетали прозрачные существа. Сбиваясь в стаи, они подлетали ко мне и, кружась надо мной, о чём-то одобрительно гоготали. Когда же всё закончилось, кто-то вызвал скорую, и бесчувственного старика поместили в машину. Впрочем, прибыли корреспонденты, и представление продолжалось ещё какое-то время.

– Ой! Какая невесёлая приключилась история! – воскликнула подошедшая спутница. – Пошли, может? Так неприятно здесь находиться.

***

А я стоял и, зачарованно взирая на собор, пытался вспомнить. От величавых стен Исаакия меня отделяло шоссе. И чем сильнее погружался я в мысли, тем ближе казался храм, но в то же время всё больше оказывалось препятствий для того, чтобы к нему приблизиться. И вроде бы – всего-то

несколько шагов по переходу! Но сделать это было не так-то просто. Сначала ни с того ни с сего на проезжей части образовалась пробка. Потом вдруг все до единой машины превратились в змеевидных чудовищ, и вместо дороги под ними разверзлась пропасть. И при этом казалось, что до стены можно не только дотронуться, вытянув руку или прислонившись, но и даже пройти сквозь неё, сделав лишь шаг. Но, чем явственней оживали воспоминания и, соответственно, чем ближе я чувствовал стены, тем всё шире ощущалась пропасть и ещё активней кишели чудовища. К тому же, мной овладело какое-то оцепенение, и я будто сделался похожим на статую. То, что воскрешало сознание, никак не вписывалось в открывшееся взору, так что я не находил уже в себе сил смотреть. А, закрыв глаза, вместо желанной ясности лишь снова увидел бездну. И то, что хотелось вспомнить, вмиг отступило перед догадкой, что чёрные волны, преграждавшие путь, – это и был я сам и что это надо мной копошились чудовища.

Всего на миг я решился открыть глаза, после того как, шагнув, очутился на колоннаде Исаакия. Успев заметить, что змеевидные существа поднимаются, опять зажмурился и услышал, как они подступают ко мне. А в голове вдруг услышал долгожданный шёпот:

– Вспомни, где стоишь... Вспомни... Вспомни... Прислушайся... Позови...

Сзади кто-то взял меня за руку. Я оглянулся и, не от-

крывая глаз, смог разглядеть женщину. Смеясь, с разгорячённым лицом, горящим взором и рвущимися во все стороны от разыгравшегося вихря волосами она кричала мне что-то нетрезвым голосом. Из обрывавшихся от сильных порывов ветра трескучих фраз с прослушивавшимися в них визжащими истеричными интонациями я разобрал отдельные неясные фрагменты:

– Пойдём!.. Покажи!.. Ну, покажи же мне это треклятое кресло!..

Потом силой увлекла меня за ограду, и, скользнув по крыше, мы оказались верхом на чём-то склизком, холодном и движущемся.

Глаза я открыл лишь после того, как прекратилась буря. Обнаружив себя стоявшим у входа в гостиницу «Гоголь», машинально достал из пальто электронный ключ. До шестого этажа решил пройти пешком. Минуя лестничные площадки, обратил внимание, что на висевших там картинах, изображавших сцены из гоголевских произведений, совершенно отсутствовали персонажи – только фон, и никаких людей. Впрочем, после путешествия верхом на чудовище и после того, что видели мои глаза и слышали мои уши, я был не в состоянии чему-либо удивляться. Мне уже было всё равно, кого или что я повстречаю в следующую минуту. Да и то, что нависшая вдруг тишина не могла предвещать ничего хорошего, я предчувствовал всем своим существом. И особенную тяжесть этой тишины я ощутил, оказавшись в номере. В

моём кресле спиной ко мне сидела женщина. Она показалась знакомой. И само собой с моих уст слетела фраза:

– Зинаида?

– Сидеть в удобном кресле. Рядом моя Зинаида, – ответила женщина голосом Зинаиды.

Подумалось, что это другая какая-то Зинаида. Но не успел я подумать, как кресло поднялось в воздухе и, развернувшись, повисло посередине комнаты.

– Да, это я – твоя сучка! – зловеще прохрипело со всех сторон до боли знакомым голосом Святоши.

Вместо Зинаиды в кресле сидело существо с женским человеческим телом и огромной волчьей мордой. На макушке у чудища вдруг появился цилиндр, и морда преобразилась в задумчивое лицо призрака, повстречавшегося мне под уличным фонарём. На женском теле возникла шинель Акакия Акакиевича.

– О, я знал-с, – воскликнул Акакий Акакиевич, – что вы непременно соблаговолить изволите-с!

Внезапно призрак превратился в громадную оскалившуюся волчицу. Она спрыгнула на пол с растворившегося в воздухе кресла.

– Я тебе покажу удобное кресло! – хрипело из звериной пасти. – Теперь же смотри и слушай!

Изо всех углов комнаты стали вылезать призраки. Среди них были и сошедшие с картин персонажи, так напугавшие меня у канала, и танцевавшие в Казанском соборе лю-

ди в париках и кафтанах, и множество оживших памятников и статуй с ликами Петра Великого, включая львов, лошадей и иных звероподобных существ. Стены сотряслись и взорвались, и в поднимающейся пыли показались омерзительные твари. Клопоча и воя, они расположились вокруг, образовав собой ровный прямоугольник, так что вместо исчезнувших стен теперь кишмя кишели мерзкие существа. Станным образом окна комнаты сохранились целыми и, удерживаемые тварями, подрагивали в такт нарастающей вибрации. Сквозь окна в комнату проникал дневной свет. Но над головой всюду царилась ночь. На месте потолка из бездны беззвёздного неба стремительно врвались в помещение бесчётные стаи змеевидных чудовищ. А пол под ногами всосала бездонная, вращавшаяся чёрной воронкой пропасть. Всё это клубилось перед глазами, давило со всех сторон, расплющивало и разрывало меня на части, при этом позволяя мне ощущать себя в целостности и осознавать происходившее. Смешавшись с роящейся массой, почти растворившись в грохочущем месиве, вдыхая смрад то и дело возникавшей и мгновенно разлагавшейся плоти, глотая зловонную жижу и захлёбываясь в бурлящей и всепоглощающей пучине, я мог видеть каждую деталь всех до единого видений и слышать каждый вновь появлявшийся звук. Из бездны под ногами я слышал голоса, молившие о помощи. А окружавший грохот сконцентрировался в голове в одну неумолимую, с невыносимой болью раздававшуюся фразу:

– Выпусти нас! Выпусти нас! Выпусти нас!

В смутной надежде я протиснулся к окну и, распахнув его, хотел было прыгнуть. С улицы дохнуло пронизывающим и вмиг оковавшим меня холодом. К тому же в окне я увидел зрелище, повергшее меня в отчаяние. На месте домов и канала над землёй громоздились бесформенные ледяные руины. Всё замерло в звенящей морозной мгле, рассыпавшись на бесконечное множество ледяных кусков. Рассыпались строения и ограды, машины и катера, асфальт, гранит и даже вода. По кусочкам рассыпались люди, и окаменевшие частички их тел развеяло по округе морозным вихрем. Только неподвластные сокрушительной стихии разноликие твари блуждали меж обломками, отыскивая свежее лакомство и облизывая, разгрызая с мерзким хрустом и заглатывая обезображенные головы и конечности.

И что-то вынуждало меня с безысходным отчаянием постичь, что всё то, на что я надеялся, спасаясь от наваждений, не только случилось, но как будто было всегда, что всё самое важное, что я когда-либо осознавал, теперь оказалось самым ужасным из всех возможных и невозможных миражей. Об этом говорило мне то, что я видел перед глазами. И именно это внушали вдруг примолкшие и покорно склонившиеся призраки. И голос внутри меня раздавался над всей вселенной:

– Меня нет и никогда не было. А есть лишь чёрная дыра – вместилище смрада, зловония и всякой мерзости. Губить и

разрушать – моя стихия. И на моей совести все человеческие смерти и страдания. Ни единой души я не спас и никогда не спасу. Так открою двери и выпущу зло, проснусь, и исчезнет навязчивый сон. Я – этот сон! Я –мираж! Я –мучительный нарыв, который необходимо вскрыть. И лишь сгинув в пропасти, я обрету долгожданный покой.

Но, провалившись в пропасть, я ощутил себя в гробу погребённым заживо. Возможно, видение длилось всего мгновение, но ощущение не проходило долго. Страшнее всего казалось не то, что невозможно было дышать, а осознание безвыходности положения, осознание того, что никакие крики, никакие действия не помогут освободиться от плена; и ещё более ужасным открылось то, что мне, которого вроде бы нет и никогда и не было, которому только что был обещан покой, отказано в возможности проснуться от жуткого кошмара – кошмара осознания того, что нет ни смерти, ни покоя, а есть только эта, ежесекундно сводящая и не способная свести с ума, сознательно выбранная мною участь извечно томиться в кромешном склепе. И вот в этой-то не прекращавшейся и, казалось, не могущей уже прекратиться муке я в последний раз услышал едва донёсшийся до меня чуть слышный шёпот:

– Позови...

– Зинаи-и-да-а-а! – вскричал я из последних сил

И внезапно очутился в том самом дворе, где неусыпно стерегли меня оборотни. Они с остервенением рвали мою плоть. Вдруг, откуда ни возьмись, в разъярённых псов вреза-

лось авто и отбросило их по сторонам. От них отделились какие-то тени, и, мгновение назад бывшие весьма свирепыми собаки, повизгивая, кинулись врассыпную. А из появившегося авто выскочил Женька и, подхватив на руки моё истерзанное и измождённое тело, бережно уложил меня на заднее сиденье.

Но я уже слушал поющую тишину.

***

Потом долго сидел в очереди, вернее, стоял – там все стояли, и негде было присесть. Но я думал только о том, что ожидаю своей очереди. И простоял там не один день. Лишь по ночам ложился и лежал на полу. Дни уходили на ожидание. А ночью лень было подняться, чтобы осмотреться и узнать, где нахожусь. Впрочем, ничто не мешало мне думать.

Скорей всего, это была церковь. На стенах висели лики – всё, что мог разглядеть ночью. А днём толпились люди – они всегда проходили вперёд. Так повторялось изо дня в день. Молодой священник с пухлыми щеками и глазами навыкате выслушивал их и накладывал на головы епитрахиль. Меня он, конечно, не замечал, что немудрено – ведь он был обычный, как и все, заходившие в храм. Но однажды молодой вдруг исчез и на его месте оказался старый, который и обратил на меня внимание. Я подошёл к аналою, и тотчас все остальные пропали из вида, церковь словно опустела и мы остались вдвоём.

Он сосредоточенно молчал, и я не произносил ни слова.

Казалось, так мы простояли несколько дней и ночей. Он будто сканировал меня своим молчанием, а я, понимая это, не чувствовал даже потребности что-либо говорить. И всё же сказал первое, что пришло на ум:

– Это ваш голос я слышал там?

– Моё место здесь, – коротко ответил старец.

– А где моё? – спросил я.

– Выбери, – усмехнувшись в длинную седую бороду, священник огляделся по сторонам.

И добавил:

– Только сначала избавься от этого – Стёпы. У каждого своя дорога.

– И что мне делать? – осмелился поинтересоваться я.

– Прислушиваться. Чтобы не задавать ненужных вопросов. Прежде всего, научиться вниманию.

Когда старец исчез, вокруг снова стало суматошно. Я стоял, склонившись над аналоем. Священник снял с моей головы епитрахиль. Поднявшись, увидел перед собой пухлое лицо с глазами навывкате. Батюшка, не мешкая, обратился с напутственной речью:

– Да-а... Вы много рассказали о себе... как бы сказать... интересного. – Молодой священник ещё больше выпучил на меня глаза. – Вы, Степан, за свои не так уж много лет умудрились прожить целую непростую, я бы сказал, жизнь. Но ничего – Бог милостив, Бог милостив. Вы – как тот некий раб Божий Стефан, о котором читаем мы в акафисте перед ико-

ной Божией Матери «Неупиваемая чаша»... Да-да, та самая, написание которой вы внесли пожертвование... Это, кстати, наша храмовая икона... Вон она, на иконостасе, справа от Царских врат...

Батюшка кивнул в сторону алтаря.

– Или благоразумный разбойник, – продолжил он. – Да. Он первым был принят в рай... Знаете, Стефан... Можно я вас буду называть Стефаном?.. Это ведь так символично! Хм, раб Божий Стефан, раскаявшийся грешник, пожертвовал храму икону «Неупиваемая чаша»!.. Да-с... Но... Позвольте вас попросить. Видите вон ту примечательную группу людей?

Священник кивнул, указав мне на явно блатную компанию не очень трезвых парней, небрежно расположившихся неровным кругом прямо посередине храма и вальяжно в голос разговаривавших между собой.

– Осмелюсь предположить, – вновь заговорил батюшка, – что ваши друзья не вполне осознают, где находятся. Особенно один, вон тот, в расстёгнутом пальто... Согласитесь, дорогой, что с калашом за пазухой, в храме... как-то... Простите, но всё время, пока вас исповедовал, я вынужден был пристально наблюдать за ним, как бы он чего здесь не сотворил. Так что вы, может быть, подойдёте, объясните ему, да и всем им, где же они всё-таки находятся.

Пребывая под впечатлением от встречи с седовласым старцем, я недоумевал, о чём столь странные речи и поче-

му молодой батюшка говорит это именно мне да к тому же, несомненно, ещё и видит меня. Осмотревшись, увидел себя в прежнем облике, в котором совсем недавно меня никто из присутствовавших там, а также заходивших и выходявших не видел, так как доселе я и был ни для кого из людей невидим. Но вместе с тем, понимая теперь, что снова стал видимым, я чувствовал, что видят меня в каком-то ином облике. И, усмотрев в этом некую закономерность, – тем более что давно уже привык ничему не удивляться – я развернулся и уверенно подошёл к нагло вата ведущим себя парням.

– О, Стёпа! Ты? – обратился ко мне один из компании. – Ты, это, давно откинулся?

– Стёпа?! – удивленно вытаращился на меня другой. – А я слышал, что ты – того... Ну... Да мало ли что напи... ой, прости, Господи! – парень неправильно перекрестился, чуть не выронив из-за пазухи автомат. – Ну, в общем, здорово, братан...

– Видите икону? – перебил я и указал на иконостас. – Место, где вы стоите, освящено в честь этой иконы... Так что...

Ребята вдруг наперебой принялись оправдываться:

– А чё, Стёп?..

– Чё, правда, что ли?..

– А чё за икона?..

– Да мы ничё...

– Ты чё, Стёп, в святоши заделался?..

– А ты чё, с дуба рухнул, с кем говоришь, а?! – к репликам

прибавились подзатыльники.

– Да мы щас, только, это, помолимся...

– Вот!..

– Да!..

– Да, помолиться, это, зашли...

– Не, Стёпа, правда... Отвечаю!..

– Понял!..

– Понял... Не, сразу бы сказал... Всё, братаны, сваливаем.

Один, что с калашом, кинулся было на колени.

– Я благословение попросить... На дело... Вы чё, мужики?!

Остальные схватили его за шкуру. Один отнял у него оружие. И, волоча приятеля за собой, кореша ретировались и тотчас покинули церковь.

Я вышел на крыльцо. На крыльце повстречался с парой, мужчина и женщина поднимались по ступенькам.

– Добрый день, Степан, – поздоровалась женщина.

Это оказалась дама из гаража. Мимо прошёл мой шеф. Мельком взглянув на меня, приветственно кивнул головой, и мы наскоро обменялись рукопожатиями. Я сразу же признал тот самый костюм и то самое пальто, надетое на нём нараспашку, в которых я путешествовал до Питера.

– Добрый, – ответил я задержавшейся на мгновение женщине.

Ещё раз осмотрев себя, вспомнил и тот облик, в каком некогда появился у полуразрушенной церкви. Как же выгля-

дел Степан, за которого меня только что приняли, мне оставалось лишь предполагать. Вдалеке заметил старого знакомого – старосту Сергея Сергеевича.

– Стёпа, привет! – помахал он мне издалека и деловито проследовал в помещение, в котором я узнал кочегарку.

Вернувшись в церковь, я подошёл к молодому батюшке. Стоявшая у аналоя дама, вежливо уступив место, отошла чуть в сторону.

– Отец Василий? – нелепо спросил я.

– Стефан? Что-то забыли? – удивлённо выпучил глаза священник.

– Нет-нет, простите, – посторонился я, в свою очередь пропустив потеснённую женщину.

Снова вышел на улицу и огляделся. Ограда вокруг храма была уже восстановлена. Наверху, вместо ветхой крыши и старого креста, возвышалась добротная колокольня с небольшим серебристым куполом, увенчанная новым крестом. И церковная территория выглядела облагоустроенной, не в пример тому, что я запомнил с прошлого раза. На месте временно располагавшихся на дворе колоколов стояли аккуратные лавочки. Выйдя за ограду, тотчас увидел знакомый коттедж и рядом – ту самую машину. Тут же и припомнил, как когда-то на этом авто приезжал на службу шеф.

«Чем же тогда были моё путешествие и сопутствовавшие ему приключения? – невольно задался я вопросом. – Да и было ли всё это на самом деле?»

Подумав, мгновенно перенёсся на муниципальное кладбище. Это оказалось кладбище, около которого мы зимовали с Женькой. Увидел стоявшего неподалёку рослого мужчину, склонившегося над могилой. Подойдя поближе, разглядел на памятнике фотографию бабушки из больницы. Мужчина тоже показался знакомым. Когда же он повернулся лицом и, порывисто стронувшись с места, прошёл сквозь меня, я вдруг вспомнил мужика, стоявшего рядом, когда я слушал поющую тишину, и что священник назвал его рабом Божиим Стефаном. Почувствовав, что перенёсся ещё куда-то, очутился на небольшом пустыре, окружённом несколькими могилами и располагавшемся недалеко от Женькиного домика. Даже припомнил, что примерно на этой площадке с кем-то разговаривала женщина, за которой я когда-то пошёл и которую после спас от грузовика на дороге с кладбища. Внезапно в моей голове раздалось характерное гудение, напомнившее точно такое же, какое услышал тогда, перед происшествием, положившим начало бесконечной череде подобных происшествий, после которых я превратился в собаку. И тут меня сокрушило от ещё одного воскресшего в памяти события. У меня подкосились ноги, и я буквально рухнул наземь, не вынеся впечатления от нахлынувшего воспоминания. Оглушительный гул бешено нарастал, и я вспомнил – вспомнил всё: как ехал со службы, как на встречу вынесло грузовик, и потом возникло это гудение. Сразу после того, как вспомнил, оно прекратилось, а я валялся на довольно не старой на вид

могиле. Встав на четвереньки, чуть не уткнулся носом в табличку, прибитую к надгробному кресту, с выгравированным на ней моим портретом. Вспомнилась и сама фотография, с которой, видимо, скопирована была гравюра. Я узнал своё свадебное фото. Только на нём отсутствовала Зинаида...

«Да! Да! Да!» – наконец-то я вспомнил, что это за женщина.

И вспомнились слова Женьки перед прощанием. Он же всё спрашивал тогда, приходили ли ко мне мои. Усевшись на собственной могиле, нечаянно взглянул на соседнюю. С фотографии на памятнике на меня смотрело улыбающееся лицо Женьки.

Вдруг я увидел перед глазами протянутую кем-то руку, ухватившись за которую поднялся на ноги и узнал в стоявшем рядом старике давешнего старца из церкви.

– И давно я умер? – зачем-то спросил я.

Честно говоря, я и не знал, что теперь говорить и о чём думать.

– Какая тебе разница? – ответил старик. – Здесь время ничего не значит.

– А что же – значит? – я чувствовал себя раздражённым. – Ах, да, конечно! Ещё один ненужный вопрос, да?

Не обращая внимания на раздражённый тон и на окрики, словно меня не было рядом, пожилой священник доковылял до тропы, ведущей к выходу из кладбища, и уже оттуда, не оглядываясь, произнёс:

– Я пришёл, чтобы проводить тебя. Но мне всё равно, пойдёшь ты или нет. Как хочешь. Твоя воля! Если другой не признаёшь.

Слова раздавались в моей голове.

– Куда проводить? – прокричал я вдогонку. – И что значит – не признаёшь? Чего это я не признаю?

Старец, прихрамывая, продолжал ковылять по тропе. Но через мгновение исчез из вида. Я выбежал на тропу. Странный провожатый был уже далеко и, выйдя за территорию кладбища, переходил через автомобильную дорогу. Едва различимый силуэт его терялся среди проезжавших сквозь него машин. Мигом очутившись около него, я поравнялся с ним и не знал уже, о чём спрашивать. Я заметил, что мы не идём, а плывём над землёй по воздуху, но, впрочем, не обратил на это внимания. И, двигаясь рядом со старцем, как-то понял, что говорить о чём бы то ни было теперь бессмысленно, и вдруг вспомнил его недавнее короткое напутствие: «Прислушиваться. Научиться вниманию».

– Вот именно, – будто мысля вслух, проговорил священник.

Ещё я понял, что говорить следует ему, а мне – прислушиваться.

– Чтобы слышать, – снова, как бы ни о чём, обмолвился старик.

«Это он, наверное, отвечает на мои мысли», – подумалось мне.

– Просто слушаю, – сказал спутник. – И ты слушай.

Мы передвигались с непонятной скоростью. Вроде бы шли медленно, но в мгновение ока преодолевали огромные расстояния, проплывая сквозь чащи лесов, сквозь улицы и проспекты городов, и, казалось, входили в такие пространства, которые трудно с чем-либо сравнить, пересекая их и вновь оказываясь в привычных земных очертаниях городов, лесов и полей. Иногда представлялось, что мы блуждаем по кругу. И совсем не ощущалось ни времени, ни усталости, и ничего такого, что может ощущать очень долго идущий путник.

– Когда слушаешь, – заговорил старец, – то забываешь про усталость, про боль, про страдания. Любые слова становятся нелепыми, а вопросы ненужными. Кроме слов, которые слушаешь.

Я опять вспомнил, что надо прислушиваться, и осознал, что уже давно слушаю, и более чем понимал, что слушаю поющую тишину. И слишком даже давно понимал, что если так слушать, то можно слушать её бесконечно. Но что же это за слова, про которые говорил мне мой спутник?

– Я не слышу слов, – сказал я. – Я слышу лишь что-то, похожее на музыку.

– Прислушайся! – было последним, что произнёс старый священник, прежде чем исчезнуть.

***

Я стоял и вслушивался в тишину. Рядом не было моей

Зинаиды. Не было и раба Божия Стефана. Но это меня уже больше не беспокоило. Я чувствовал, что внутри меня зарубцевалась огромная чёрная рана. Вспомнив о ней, потщился вспомнить ещё хотя бы о чём-то. Но помнил лишь о том, как стоял и слушал тишину. А единственное, о чём подумалось, так только о том, что же это такое – смерть. Да о том ещё, что не осталось того, за что она могла бы меня ужалить. Вместо неё растекалась по округе бесконечная тишина жизни. Это было бескрайнее поле, поросшее дикими, неземной красоты, цветами и вечно зелёной и свежей травой. И вдруг в тишине я смог слышать слова:

«Создавший мя, Боже, помилуй...»

«Без числа согреших, прости...»

«Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!»

Они раздавались изнутри величественного храма, воздвигнутого посреди нерукотворного и благоухающего луга. Который священник – знакомый или незнакомый – воздвиг его? Прочёл ли я в какой книге эти слова или родились они в моей голове? И в самой ли тишине находился или пела она из недр моего существа? Но – как же это прекрасно, когда не пустует ограда, когда не плачет над пустующим тронном королева, когда вместо удобного кресла, которого нет, вышашается дивный храм, в котором вместе со мной и моя Зинаида, – где-то также стоящая на своём посту, по ту сторону бескрайнего луга, тихо шепчущая слова из какой-нибудь потрёпанной книжки, – тоже может слышать неизреченные

СЛОВА ТИШИНЫ.